

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я ПОДАРИЮ
ТЕБЕ «ОБЩАК»

ЭКСМО

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я подарю тебе «общак»

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Я подарю тебе «общак» / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2012

Умиравшего бизнесмена уже долгое время преследует навязчивая идея: ему во что бы то ни стало хочется завладеть статуэткой «Дочь кузнеца», которая хранится в краеведческом музее провинциального волжского городка. Ни посланные им на дело бандиты, ни местная милиция даже не подозревают, какую тайну хранит эта на первый взгляд недорогая поделка времен соцреализма. И воровские страсти, кипящие вокруг статуетки, затягивают в свои суровые сети все новые и новые людские судьбы...

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	21
5	31
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Сухов

Я подарю тебе «общак»

1

1930 год

Темное помещение банковского хранилища освещал скупой свет американского электрического фонарика Everyday. Окна были предусмотрительно занавешены плотными шторами, так, чтобы снаружи не догадались, что в здании Госбанка кто-то есть. Перед массивным сейфом, изготовленным еще до революции, сгорбились двое субъектов. Один, тот, что держал фонарик, являлся типичным «уркаганом». Все называли его Слоном за соответствующую наколку с тыльной стороны ладони. О принадлежности к уркам свидетельствовал и его наряд, который подчеркивал презрение носителя ко всему «буржуйскому»: пиджак «в елочку», «прохоря» – сапоги в гармошку, сжатые по всем правилам – «третьими», в которые Слон аккуратно, с особым напуском, заправлял брюки. А на седой бритой голове – кепка-восьмиклинка с небольшим козырьком. Старый каторжанин, изведавший все на своем веку и свято чтивший воровские традиции, он не принимал для себя ничего иного.

Второй, манипулировавший с замком, был известным в городе вором-«медвежатником» по кличке Лапа. В миру – Сергей Ипатьевич Лапин, молодой двадцатишестилетний парень, с копной соломенных волос, сильным мужественным лицом и васильковыми глазами, взгляд которых сводил с ума всех представительниц прекрасной половины человечества. Обладая чувством собственного достоинства, он считал себя аристократом преступного мира, а свои способности по вскрытию сейфов – искусством, доступным не многим. Поэтому Лапа позволял себе «жиганить» и не считаться с мнением остальных. Высокий, статный, он предпочитал длинные клетчатые пиджаки и лаковые штиблеты, а также кепки – «капитанки». Вокруг шеи, независимо от погоды, у него неизменно был намотан белый шарф.

– Ну, что там, много мороки? – сирым шепотом поинтересовался Слон, заглядывая напарнику через плечо.

– Погоди, не видишь, делом занимаюсь, – сердито буркнул в ответ Лапа, исследуя мощный английский замок сувальдного типа, изготовленный известным мастером Иеремией Чаббом. Это был один из самых надежных замков. Выбить его не представлялось возможным, да и шуметь нельзя, так как рядом находилась охрана банка. Если их засекут, дело закончится кровавым побоищем.

– Твои дела понятны, от восьми до зеленки, – проворчал недовольный Слон, – а у меня, понимаешь ты, «шанец» жить. Я с тобой как «лохошник» поперся, а мог бы сейчас в шалмане с какой-нибудь шмарой... Тут же вокруг мильтонов – чертова стая.

– А че поперся тогда, раз дрейфишь? – фыркнул в ответ Лапа.

– Да ты ж сказал, что куш халявный, а потом, как просек, уже стремно соскакивать, – стал шепотом оправдываться Слон.

– Халявы не получится, – вздохнул Лапа, кивнув на сейф, и достал из кожаного саквояжа с инструментами дрель. – Попробую поработать по точкам, но тут уже, как карта ляжет.

Вскоре сверло уперлось в защитную бронепластину. Лапа остановился – амба, приехали! – положил дрель и зло посмотрел на замок. Алмазного бура у него с собой не было, а против отмычки эта модель имела специальный отсекаТЕЛЬ. Сверло тоже не брало, так что ни заглянуть внутрь, ни поддеть сувальды не получалось. Он и не подозревал, что такое может случиться. Думал, что будет как всегда – подцепил отмычкой или подобрал код, и готово.

– Ну, шо, не получается? – тихо поинтересовался Слон. Почти с отеческим участием.

Лапа не ответил, молча достал из саквояжа свертыш, вставил в замочную скважину и кивнул напарнику, чтобы тот помог. Поняв все без слов, Слон поставил на пол фонарик, затем схватился за рукоятку штурвала свертыша и стал тянуть на себя. Сталь сувальдов не сразу, но все же не выдержала напора, и они с хрустом провернули штурвал. Удостоверившись, что первый замок открыт, Лапа взялся за второй – кодовый. Это было намного проще. Смахнув рукавом пиджака пот, выступивший на лбу, он попросил светить ровнее и ласково коснулся пальцами замка. С этим-то уж точно справится, не впервой.

За окнами в непроглядной тьме послышался рокот мотоциклетного двигателя. Не иначе, один из ночных патрулей, курсировавших по городу.

– Ну, – прохрипел Слон, прожигая взглядом напарника, крутившего верньер кодового замка.

Лапа сердито шикнул в ответ и полностью сосредоточился на своих ощущениях. Замок наконец поддался. На него ушло не более минуты.

– Говорил же, что я фатовый, – усмехнулся он, открывая тяжелую дверцу сейфа. Только в этот момент Лапа понял, что он действительно везучий на все сто. Если бы взял с собой алмазный бур и просверлил им сейф, то открыть его потом было бы чрезвычайно трудно, а может, и вовсе невозможно – и все из-за релокеров, что красовались с внутренней стороны дверцы. Хитрые штуковины, надо сказать. Он уже имел опыт общения с такими механизмами. Релокерами называли кусок закаленного стекла, укрепленный между дверью сейфа и кодовым замком. К его краям были прикреплены провода, покрытые свинцом и случайным образом соединенные со снабженными пружиной засовами. Если предпринималась попытка взлома сейфа, сверло или сварочный аппарат нарушали целостность стекла, освобождая засовы. Эти задвижки надежно блокировали отведение основного засова замка и саму дверцу. Смахнув пот со лба, Лапа выдохнул: – Да уж.

Слон с волнением подался вперед, чтобы рассмотреть содержимое. Свет фонарика высветил пачки червонцев, облигации, свежеотпечатанные ордера Торгсина на получение товара. Из верхнего отделения сейфа Лапа с довольным видом достал мешочек с серебром и с десятков золотых слитков.

– Эти его мать! – восхитился Слон, сверкая золотыми зубами, и стал запихивать все, что передавал ему напарник, в заранее подготовленную сумку.

– Тысяч двадцать, да еще золото с облигациями, – шепотом констатировал Лапа.

– Класс! – Слон сунул в сумку мешочек с серебром, поднялся с колена и нечаянно задел дрель, лежавшую на краю стула. Она с грохотом упала на пол, и у Лапы даже волосы зашевелились на голове. Он посмотрел на бледного напарника дикими глазами:

– Ты, что же, падла, зашухерить нас хочешь?!

– Да я, это... – растерянно прохрипел Слон. Сказать ему было нечего.

Снизу послышался топот охранников, и Лапа метнулся к дверям. Замок был предусмотрительно заклинен, но он для верности подпер дверные ручки креслом, затем повернулся и рыкнул на напарника:

– Что к месту прилип?! Валим!

С гримасой ужаса на лице Слон прыгнул к веревке, свисавшей из пролома в разобранной крыше банка. Он пытался, но никак не мог забраться по ней наверх вместе с сумкой. Лапа зло вырвал у него сумку, помог взобраться, потом единым усилием могучих мышц зашвырнул тяжелую сумку в пролом. Следом полетел саквояж. Слон чудом поймал вещи. Очевидно, страх добавил ему проворства. В этот момент в двери хранилища стали ломиться. Загрохотали выстрелы, и дверное полотно покрылось сквозными отверстиями. Выхватив из-за пояса семизарядный «браунинг М-1903», Лапа выстрелил в ответ, не целясь. Он не преследовал цели укокошить кого-то, а просто хотел отпугнуть преследователей, поэтому и брал выше.

Выстрелив, быстро взобрался по веревке на крышу и втянул за собой веревку. Достал из саквояжа самодельную дымовую бомбу, поджег от позолоченной зажигалки Unique Dunhill фитиль и бросил бомбу вниз. Он не видел, как сбоку на крышу выглянул молодой опер в кожаной тужурке и фуражке и прицелился в склонившегося «медвежатника», но Слон оказался проворнее. Секунда – и в его руке появился «музер». Тут же хлопнули два выстрела, и опер, выронив «наган», свалился вниз с пробитым сердцем.

– Ты что? – ошалело спросил у напарника Лапа, не признававший «мокрых» дел.

– Шо, – передразнил его Слон, – я тебе шкуру спас.

Вдруг внизу грохнула бомба, и повалил густой белый дым. Подельники, не сговариваясь, вскочили и бросились бежать в сторону пристройки. В хранилище банка тем временем слетела с петель дверь, и в комнату ввалилась охрана. Кто-то споткнулся, на него наступили, другой налетел в дыму на открытый сейф. Послышались отборный мат и стоны.

Лапа первым перепрыгнул на крышу пристройки, а с нее соскочил на землю, аккуратно между стеной здания и припаркованным там зеленым «Ford A Phaeton». Два дня назад он выиграл его в карты у одного вора и очень гордился этим. На таких машинах ездили в основном чиновники да силовики.

Бросив в салон сумки, Лапа поспешил к углу проверить обстановку и едва ли не нос к носу столкнулся с двумя патрульными из ночного мотопатруля. Оба были вооружены «наганами», но он и тут не растерялся – с ходу сбил одного милиционера мощным ударом в челюсть, у второго выбил «наган», врезал в живот и оглушил его же оружием. Жертва рухнула к ногам «жигана» без звука. С крыши банка слышались крики, это охранники выбрались в пролом и искали грабителей. Самое время было убираться. Лапа вернулся к машине, за рулем которой уже сидел Слон и заводил двигатель.

– Ну, что, каторжанин, погнали, – весело бросил он подельнику, захлопнув дверь.

– Да пошел ты! – процедил сквозь зубы Слон. – Смотри, какой кипеш подняли. Хана нам теперь.

– Сам виноват, молчал бы уж, – спокойно ответил Лапа. – Ладно, прорвемся.

Слон с мрачным видом вдавил в пол педаль газа, и машина, взвывая, рванулась вперед. Навстречу им выскочили трое милиционеров, готовые стрелять. На машине нервно заплясали лучи фонарей, и Слон, резко врубив фары и ослепив их, вильнул в сторону. Хлестко защелкали выстрелы. Одна пуля пробила лобовое стекло и просвистела над ухом Лапы.

– Вот, собаки, – усмехнулся он, провожая взглядом стрелявшего. – Что-то действительно становится горячо.

– Да, париться уже пора, – зло поддакнул Слон, сворачивая в узкий проулок.

Проскочив через двор, они вылетели на проспект и протаранили черный «ГАЗ-М1», прозванный в народе «черным воронком». Лобовое стекло их машины разлетелось вдребезги. Лапа поднял руки, защищаясь от осколков. Сумка с деньгами, что лежала у него на коленях, смягчила удар о приборную доску. Слона силой инерции бросило на руль. Он разбил в кровь лицо и почувствовал, что в груди что-то больно стрельнуло. Весь перед их «Форда» в одно мгновение оказался искорежен, а «воронка» от удара развернуло, смяв переднюю дверь со стороны водителя. С пассажирского места на мостовую вывалился чекист. Обливаясь кровью, он поднялся, вскинул револьвер и выстрелил. Пуля сбила зеркало заднего вида на «Форде». Лапа пригнулся, затем, выскочив из машины, выстрелил в ответ, попав чекисту в плечо. Тот вскрикнул и спрятался за машиной.

– Вылазь! – рявкнул Лапа напарнику.

– Щас, погодь, – закашлявшись, прохрипел Слон, – меня малость помяло.

– Давай да ходу! – прикрикнул Лапа, потом выстрелил вверх машины, не давая чекисту высунуться, и нырнул в переулок рядом.

Слон кое-как выбрался из машины, держась за грудь, сплюнул кровь и заковылял вслед за ним, то переходя на бег, то останавливаясь. Где-то недалеко послышалась трель милицейского свистка.

– Ты как, старый? – участливо поинтересовался Лапа, остановившись.

– Нормально, оклемаюсь до завтра, – бодро заверил его Слон и предложил: – Давай сейчас разбежимся, так им будет труднее нас прижать.

– А ты один-то сможешь? – В голосе Лапы прозвучало неподдельное беспокойство.

– Да не парься, – махнул рукой Слон, озираясь, – все, давай встретимся в кабаке на Кривой.

– Вот, возьми. – Лапа сунул ему в руку пачку денег, первую, какую нащупал в сумке. – Остальное, свою долю, получишь на Кривой через два дня, вечером в пять. К тому времени, думаю, все утихнет.

– Лады! – Слон сунул червонцы в карман и кинулся в сторону через арку проходного двора.

Лапа двинул по улице в противоположную сторону. Трель свистка послышалась совсем рядом, к ней добавлялось тархтение мотоциклетного двигателя. Спустя двадцать минут он влетел в темный подъезд знакомого дома, пробежал вверх по покосившейся лестнице на второй этаж и постучал в дверь.

За дверью завопили. Вспыхнул свет, и встревоженный женский голос спросил:

– Кто там?

– Зина, открой, это я, Сергей, – хриплым шепотом ответил Лапа.

Дверь тут же распахнулась. На пороге стояла заспанная женщина лет тридцати в длинном шелковом халате и турецких туфлях с загнутыми носами. Черные вьющиеся волосы рассыпались по плечам. В больших выразительных серых глазах отражались удивление и радость.

– Сережа, ты!

– Зинка, мне схорониться надо, – выпалил Лапа и шагнул в комнату, но женщина, усмехнувшись, перегородила ему дорогу:

– Ах, значит, схорониться.

– Да нет, ты не подумай, я к тебе шел, – соврал он с честным видом, – а тут «мусора» на хвост подсели.

Она резко схватила его за отворот пиджака, втащила в квартиру и впилась в его губы своими, крепко обнимая. Лапа замычал от неожиданности. А Зинаида захлопнула ногой дверь и сказала:

– Ну все, теперь ты попался и пощады не жди.

– Дай хоть разуться, – смиренно попросил Лапа, уронив на пол сумку.

– Быстро! – прикрикнула она и легким движением сбросила с плеч накинутый халат, оставшись в одних панталонах с кружевными оборками...

2

Наши дни

В половине первого ночи к зданию музея краеведения, расположенного в центре города, подъехала милицейская машина с выключенными мигалками. Из «УАЗа» вылезли пятеро дюжих молодцев в форме спецназа, вооруженных до зубов, и бодро побежали вверх по ступенькам к дверям центрального входа. Группа действовала четко и слаженно. Один из бойцов присел у входа, другой вскочил ему на плечи, вскрыл корпус светозвукового извещателя сигнализации и закоротил провода питания. Еще один в это время барабанил кулаком в дверь. В холле музея вспыхнул свет. Раздались шаркающие шаги сторожа, следом прозвучал испуганный старческий голос:

– Кто там?

– Открывайте немедленно, полиция, – рявкнул стучавший мордovorот. – В случае сопротивления высаживаем дверь и стреляем на поражение!

Зазвенели ключи в связке сторожа. Щелкнул замок. Дверное полотно пошло внутрь, и в щель выглянул седой сухонький старичок лет семидесяти. От вида амбалов в масках его чуть кондрашка не хватила. Округлив глаза, он прохрипел что-то несвязное, в то время как взгляд метался по гостям: все, как на подбор, в пятнистой форме, разгрузки, автоматы, на лицах маски.

– Кто еще есть в здании? – заревел стучавший, видимо, являвшийся главарем.

– Н-н-н-ик-кого, – заикаясь, выдавил из себя сторож, – я один.

– Отлично, – обрадовался главарь и пшикнул в лицо старику струю из баллончика с нервно-паралитическим газом. Тот захрипел, пошатнулся и сполз по стене на пол. Распахнув ударом ноги дверь, главарь вошел внутрь, за ним ввалились остальные. Он распорядился, чтобы проверили комнату охраны и все подсобные помещения. Все распоряжения звучали на французском языке, но бойцы великолепно его понимали. Сам главарь аккуратно прикрыл дверь, затем склонился над телом охранника, забрал у старика связку ключей, фонарик и двинулся следом за своими парнями.

В комнате охраны горел свет, и двое в масках разбивали прикладами видеорегиcтpатор системы видеонаблюдения. Главарь указал им на провода, отходящие к камерам, и велел их обрезать. Со схемой явно было что-то не так. Он достал лист из проекта, сравнил с действительностью и понял, что видеонаблюдение в музее подверглось реконструкции, но изменения не нашли отражения в проекте. Выругавшись, главарь скомкал лист и засунул его себе в карман, после чего ключом снял с охраны залы музея.

– Алекс, что делать со стариком? – спросил один из налетчиков.

– Пусть отдыхает. Он нам не помеха, – спокойно ответил главарь.

Налетчики толпой прошли в главный зал. Над арочным входом красовался баннер с надписью: «Искусство соцреализма 1930–1940 гг. Философские принципы историзма и диалектического понимания бытия».

Главарь жестами показал на нужные витрины, и зал тут же наполнился звоном битого стекла. Налетчики хватали экспонаты – гравюры, открытки, скульптурки и прочую мелочь. Ступая по битому стеклу, главарь подошел к стенду с монетами и купюрами прошлых лет различного достоинства, разбил стекло автоматом и стал сгребать деньги в сумку.

Клод Мэсон, один из налетчиков, вместе со своей подружкой Зоей остался в машине. Двигатель был включен, на случай, если придется быстро делать ноги. В ушах у него торчали науш-

ники, в которых гремела музыка, но он ее не слушал, напряженно ожидая возвращения остальных.

– Расслабься, все будет хорошо, – Зое усмехнулась и погладила его по колену.

Клод вздрогнул, но не обернулся. Его глаза неотрывно следили за входом в музей. Нервы были на пределе, и все вокруг казалось чужим и угрожающим. Зое придвинулась ближе и снова начала приставать к нему. Сначала он лениво сопротивлялся, но когда ее ласки стали более требовательными, повернулся и вскрикнул:

– Эй, ты спятила! Прекрати!

В этот момент его сзади окликнули. Клод медленно повернулся. У машины стояли двое в милицейской форме. Полный краснолицый лейтенант козырнул ему. Клод вспомнил, что тоже в форме, а значит, надо ответить. Алекс показывал, как отдают честь русские милиционеры, и Клод попробовал повторить жест. Судя по лицам патрульных, экзамен он не сдал. Краснолицый сержант помрачнел и покосился на напарника – смуглого невысокого парня с сержантскими нашивками. После секундной заминки лейтенант требовательно спросил:

– Что вы здесь делаете? Нам ничего не сообщали о проведении каких-либо мероприятий.

Клод не понял ни единого слова из сказанного. Он вообще не понимал по-русски, только «здравствуйте», «пожалуйста», «спасибо» и еще с десятков общеупотребительных слов, которые выучил в самолете по пути в Москву. Отправляясь в Россию, он больше всего боялся, что произойдет нечто похожее. Лейтенант тем временем ждал ответа. Клод набрал в легкие воздух, еще даже не решив, что скажет, но тут Зое подняла голову от его колен и улыбнулась патрульному, сверкая большими зелеными, как изумруды, глазами.

– А, развлекаетесь... – озадаченно пробормотал лейтенант, воззрившись на вынырнувшую снизу девушку. Его губы тронула улыбка.

Расценив улыбку лейтенанта как хороший знак, Клод счел долгом кивнуть и добавить:

– Да, да... Хорошо.

Лицо лейтенанта вытянулось. Акцент спецназовца ему совсем не понравился, да и машина странная. Его рука быстро потянулась к оружию:

– А предъявите-ка документы!

Ждать дальше не имело смысла. Клод, как спущенная пружина, выскочил из машины, ударив лейтенанта дверцей, второго свалил ударом ноги, затем метнулся к краснолицему и вырубил его ударом в лицо. И снова на площади перед музеем наступила тишина.

– Ну, ты крут, – хихикнула Зое, откидывая назад длинные светлые волосы.

Клод оглянулся и увидел остальных. Они вышли с сумками через центральный вход и зашагали к машине.

– Это еще что? – удивился Алекс, срывая с лица маску.

– Они подошли, стали что-то спрашивать, вот и пришлось их вырубить, – виновато оправдывался Клод.

– Они видели твоё лицо, – медленно произнес Алекс, глядя на свой автомат.

– Ну и что, – пожал плечами Клод, – ведь по плану мы завтра сваливаем из России.

Алекс задумался. Ему очень не хотелось оставлять трупы. Операция должна была пройти бескровно и бесшумно. Убийство стражей порядка вызовет ответную реакцию местных властей, и тогда милиция всерьез возьмется за расследование. Одно дело – грошовая кража, и совсем другое – убийство представителей правоохранительных органов. Перекроют дороги, а это может помешать им спокойно покинуть город.

– Прикончим их, – хрипло предложил Пьер Арно, мрачный громила, за плечами которого было уже не одно убийство.

– Нет, – отрезал Алекс, – все в машину. Убираемся отсюда.

3 1930 год

Кабак на Кривой являл собой одно из питейных заведений, которыми во времена нэпа был заполнен весь город. Свертывание новой экономической политики, увеличение налогов и гонения повлекли за собой банкротство многих шинкарей, но трактир на Кривой процветал всем врагам назло, и тому было несколько причин. Улицы вокруг кабака представляли собой настоящие трущобы и были столь запутаны, что посторонний человек сразу терялся в этом лабиринте грязных проходных дворов, лавок и покосившихся заборов. Благодаря этому обстоятельству кабак вскоре облюбовал преступный элемент для своих сходок. Случись какая облава, всегда можно было легко уйти и замести следы. В кабаке имелось все для удобства клиента: живая музыка, выпивка, наркотики, девочки, азартные игры, даже принимали краденое. Рядом на улицах часто находили трупы, а с наступлением темноты в этот район лучше вообще было не соваться, конечно, если ты сам не блатной.

Сергей Лапин вошел в трактир и сразу направился к столику за ширмой, который держали специально для него. По пути он обменялся рукопожатиями с несколькими приятелями, остальным, кого знал, просто кивал. Опытным глазом Лапа сразу отметил, что смотрят на него как-то по-особому, не так, как всегда. Во взглядах обитателей трактира чувствовалась какая-то настороженность, точно в руке у него была бомба с зажженным фитилем. Что-то определенно изменилось. В воздухе стоял густой табачный дым. Слышались хохот, разговоры. На сцене Эльвира, рыжеволосая красавица-певица, пела проникновенным голосом:

Бедная мама, прости, дорогая,
Дочку-воровку свою!
Я умираю так гордо и смело,
Тайну скрывая свою.

Когда Сергей проходил мимо, певица подмигнула ему. Лапа неопределенно улыбнулся – ему было не до амурных дел, душу томило нехорошее предчувствие. Присев за стол, он сделал заказ: гуляш, картошка с луком, грибы, блины с икрой и водка. Затем незаметно под столом достал из кармана «браунинг» и положил себе на колени, прикрыв полотенцем. За ширму ввалился Слон, выглядевший не лучшим образом. Лицо осунулось и имело сероватый оттенок. Кашляя, он пожал его руку и опустился на стул по другую сторону стола.

– Хреново смотришься, – заметил Сергей, налил напарнику водки в стакан и поставил перед ним на стол: – Выпей сначала, а там потолкуем.

Слон посмотрел на «медвежатника» воспаленными красными глазами, потом разом махнул стакан, закусил соленым груздем и просипел:

– Да, Лапа, кипишнул ты конкретно...

– Да, кипишнул, ну и что, – криво улыбнулся Сергей, взяв с края стола свежий выпуск местной газеты «Губернский вестник». – Не бзди, глянь лучше, что про нас пишут. Мы такого шороху навели.

– Навели, – согласился Слон, – только хрена ли радоваться. За нами теперь все «мусора» гоняться будут и не успокоятся, пока не повяжут или не пришьют.

– Ну, для начала нас еще сыскать нужно, – заметил Лапа с самодовольным видом. – В газете написано, что банк ограбили неизвестные личности. Нас не опознали, отпечатков мы не оставили.

– Это все требуха, – одним махом отмел доводы товарища Слон, – при таком раскладе теперь свои же сдадут. Два дня «мусора» только и делали, что громили «малины» да шпану прессовали. Всем было хреново. Целая туча народа недовольна нашими художествами. Могут и на перо посадить, и стукнуть...

Из зала к ним поднялся высокий тощий человек, одетый в модную клетчатую рубашку и идеально отглаженные брюки, заправленные в сверкающие, точно зеркало, сапоги, хрустевшие при каждом шаге. Как у большинства посетителей заведения, у него была очень короткая стрижка. На Сергея глянули холодные голубые глаза, а тонкие губы с уголками, опущенными книзу, дрогнули в некоем подобии улыбки. Заломив на затылок свою кепку с маленьким козырьком, вор в законе по кличке Дрозд без приглашения сел за их столик. Закурил самокрутку с планом и удобно развалился на стуле, как хозяин положения. Двое его корешей с обезьяньими лицами остались стоять чуть позади предводителя. У бандита в тельняшке, прозванного Боцманом, из-за пояса торчал «маузер». У второго в пиджаке и белой сорочке оружия видно не было, но оно у него, естественно, имелось. Недаром его прозвали Сеней Портным, людей он пришивал умело.

– Привет честной компании, – улыбнулся им Дрозд, демонстрируя золотую фикса на переднем зубе.

– Здорово, коли не шутишь, – хмуро ответил Лапа. Он старался сохранять внешнее спокойствие, в то время как рука мягко легла на «браунинг» под полотенцем на коленях.

– Эй, Лапа, грабки-то подними, – нервно рывкнул на него Боцман, выхватив «маузер».

– Так, все остыли, – громко приказал Дрозд, – без нервов.

– Я спокоен, – ответил Лапа и скосил глаза на напрягшегося Слона: – Здесь крови делать не будем.

– А «мочить» никто никого и не собираются, – усмехнулся вор, – мы тут с корешами побазарили за тебя да порешили. Короче, такая тема. Ты прямо сейчас сваливаешь из города и больше здесь не показываешься. Или с тебя спросят, как с гада. Тебе решать.

– Значит, так и порешили? – сдерживая рвущийся изнутри гнев, спросил Сергей.

– Тебе грех жаловаться, – усмехнулся Дрозд, – из-за твоих кренделей всем бродягам в эти дни пришлось туго. За тобой должок. Зачем ты вообще «усатого» решил выставить? Он этого не любит. На государственное хавальник разевать не моги. Пункт «г» статьи 162 УК РСФСР – «тайное похищение чужого имущества, совершенное из государственных и общественных складов, вагонов, судов и иных хранилищ... путем применения технических средств или по сговору с другими лицами». До двух лет, а если под горячую руку попадешь, то и в расход пустить могут. Статья 59-я, слышал, поди, – «Особо опасные преступления против порядка управления». Пятьдесят девятая – родная сестра пятьдесят восьмой. Буржуев надо было бомбить, за это тебе «красноперые» только спасибо бы сказали. А теперь все. Сам засветился и всех нас подставил. Так дела не делаются. – Он сделал паузу и поинтересовался: – Так что, мы договорились?

– А Слон как же? – кивнул Лапа на товарища. – За него что решили?

– К нему у нас претензий нет, – пожал плечами Дрозд, – он честный вор, из наших, посему пусть гуляет на все четыре стороны.

Лапу такой расклад не особенно удивил. Он знал, что местным ворами он давно как кость в горле – сын белогвардейца, с манерами, достаточно образованный, одевается с шиком, как господина. В свое время даже учиться пошел в гимназию, но революция спутала все карты. Сам же Дрозд и его кореша – сплошь из народа, с самого дна, люмпены и бродяги, люто ненавидевшие представителей старорежимной воровской элиты. Урки поднялись вместе с революционной волной, ввели свои правила, вырезали «старых» воров, объявив во всеуслышание, что они «ссучились», и захватили власть. Лапа для них был чужаком, бывшим, а Слон, напротив, в доску своим, потому как из босяков.

Слон всю жизнь мотался по тюрьмам. Совершил кучу побегов. Последний срок трубил на Соловках, но смог свинтить и оттуда. Бежал во время двухчасовой прогулки, когда охрана ослабила бдительность. Перелез через стену у кремля, спустился к озеру и добежал до леса. На побережье связал заранее приготовленными веревками несколько бревен и на них добрался до материка. На берегу его еле живого, с переломанными костями, нашли рыбаки. То, что Слон выжил, было настоящим чудом. В лагере решили, что он утонул во время переправы, так как после обеда началась буря, бушевавшая весь следующий день. У Слона не было ни семьи, ни дома, ни гроша за душой. Все средства от грабежа он тут же спускал в притонах, и за это его уважали. С Лапой же Слон сошелся благодаря счастливой случайности – в одной потасовке молодой «медвежатник» спас ему жизнь. С тех пор они вместе очистили с десятков касс, однако так и остались совершенно разными людьми, из разных классов.

– Я жду ответа. Что передать братве? – потребовал Дрозд, сурово поджав губы.

Лапа подумал о матери. Если не уедет, урки могут достать и ее. Выхода не было, он обреченно кивнул:

– Я уеду. Будь по-вашему.

– Лады, – оскалился Дрозд, – еще ты должен отдать братве бабки, что взял в банке. Это за неудобства.

– Ну, денег у меня с собой нет, – пробормотал Лапа, изо всех сил стараясь казаться спокойным, – завтра вечером принесу.

– Тогда до завтра, только, смотри, не запамятуй, на чем договорились. Мои парни быстро дела решают, враз положат голову на рукомоиник. – Дрозд встал из-за стола и сделал знак своим. Троица молча отошла от столика, а Лапа, скрипя зубами, в сердцах хватил кулаком по столу:

– Блатные, мать их!

– Видел я таких блатных на Соловках, – сплюнул сквозь зубы на пол Слон, – воры в законе, едрена вошь. Лагерная администрация все им позволяла, лишь бы держали каторжников в узде. Да они хуже ментов, мать родную продадут. Я отказался сотрудничать с ГПУ, не сдал корешей, и меня на Соловки, как особо опасного.

– Не удивлюсь, если Дрозд по ночам в ГПУ бегают и указания берет, кого грабить, – согласно кивнул Лапа. – Как они узнали, что это мы банк взяли? Кто мог знать? Никто же не знал. – Он задумался и моментально нашел ответ: – Черт, машина! Я же разбил «Форд», что у Бобра выиграл. По машине и узнали! Тво-о-ю мать! Надо было, как обычно, пехом уходить.

– А ты, правда, отдашь этому гаду бабки? – поинтересовался Слон с сомнением в голосе.

– Меня, что, Володей зовут?! Нет, конечно, но из города действительно придется делать ноги, – вздохнул Лапа. – Вот, возьми. – Он передал под столом сверток с деньгами и несколькими слитками золота, коротко пояснив: – Твоя доля.

– Черт, а может, тебе действительно ему бабки отдать? – задумчиво пробормотал Слон, рассматривая сверток. – Хрен с ними! Жизнь-то дороже...

– Даже если отдам, он все равно не отстанет, – покачал головой Лапа. – А так свалю, и пусть попробует найти. Я его еще накажу перед отбытием. Пусть помнит.

– Как ты его накажешь? – удивился Слон. – Брось и думать... У него головорезов орава, вмиг в капусту изрубят. К нему не подобраться. Пропадешь ни за грош...

– Авось не пропаду, – криво улыбнулся Лапа. – И потом, Дрозда «мочить» мне нет резону, я его по-другому накажу. Вон, смотри на тот стол, где Дрозд со своей кодлой заседает. Видишь старого еврея в дорогом костюме? Это Моисей Вольфович Айзенштадт по кличке Миша-Алмаз – скупщик краденого. До меня дошли слухи, что он приобрел серьезный английский сейф с новейшим часовым замком, который никому нипочем не открыть. Думается, такой сейф покупается не для того, чтобы пустым стоять. Смекаешь?

– Да ты с катушек слетел! – Лицо Слона вытянулось. – Алмаз держит воровской «общак». Если ты запустишь лапу в «общак», тебе конец. Они не успокоятся, пока кишки тебе не выпустят. Тут дело чести.

– Значит, ты не в доле? – хмуро спросил Лапа. – А там куш будет пожирнее, чем в Госбанке.

– Бабки с собой в могилу не унесешь, – глубокомысленно заметил Слон и покачал головой: – Нет, я пас. И тебе не советую. Брось все и вали куда глаза глядят. Я к тебе как к сыну отношусь. На кой тебе все это? Кончай с понтами, с блатной жизнью. Денег тебе хватит. Найди какую-нибудь бабенку, настругайте детей и живи в свое удовольствие.

– Ну, ты даешь, – фыркнул Лапа. – Нет, это не по мне. Умру со скуки.

– А так сдохнешь под забором с маслиной в пузе, и никто о тебе не вспомнит, – с тоской в глазах продолжал Слон. – Я бы так сдох, если бы не ты тогда. Чувствую, уже недолго мне осталось небо коптить.

– Да брось ты! – Лапа сглотнул комок, внезапно подступивший к горлу. От слов старого каторжанина повеяло могильным холодом. Чтобы отогнать дурные мысли, он спросил: – А у тебя, что, родственников вообще не осталось?

– Откуда? – проворчал Слон, опустив глаза. – Я же сам из приюта и семью не завел. Все по тюрьмам – некогда было. Раньше и не думал об этом, а как пришло время подышать, начал думать, да поздно уж. Я тебе только и доверяю, больше у меня никого нет. Поэтому по-доброму советую – уезжай, или кончишь, как я.

– Нет, ты не прав, – не согласился Лапа, – обо мне будут вспоминать. Я сделаю так, что обо мне легенды будут ходить. Я фартовый. А семья – дело наживное. Когда захочу – заведу.

Слон только рукой махнул. Товарищ был слишком молод, чтобы понять его, упрям и тщеславен.

– О, я же о «белье» забыл, – хлопнул себя по лбу Лапа. – Можно переплавить монеты да сдать в Торгсин, но мне этим заниматься неохота. Хочешь, забирай «белье» себе.

– Ну его к черту, – буркнул Слон, скривившись. – Не хочу, чтоб чекисты меня прямо в Торгсине и повязали. Да и херней этой тоже неохота заниматься. Плавить. Где я буду плавить его, а сдавать монеты опасно, слишком приметно будет. Таскать с собой, что ли, вместо кастета?

– Ладно, у меня друг скульптор, фигурки разные мастырит, отдам ему, – пожал плечами Лапа.

– Ты что про «общак»-то решил? – вернулся к прежней теме Слон.

– А что тут решать, возьму – и все, – самодовольно ухмыльнулся Лапа.

– Дурак, – вздохнул Слон.

– Один пойду. А ты смотри, держи язык за зубами, ни одна сволочь не должна прознать, что я задумал.

– Я – могила, ты что, меня не знаешь? – с обидой пробормотал Слон. – Для меня эта кодла не в авторитете, все «ссучились». Делай что хочешь, а там, как карта ляжет. Что думаешь, сможешь этот новомодный замок открыть?

– Что ж не смочь-то, – усмехнулся Лапа, – конечно, смогу. Тем более что знаю, на какой день он заведен.

– Как? – выдохнул Слон. Способности «медвежатника» к вскрытию замков просто завораживали его. Лапа иногда делал практически невозможное. Иногда Слоноу казалось, что товарищ водит дружбу с нечистой силой или имеет за пазухой пучок разрыв-травы.

– Ну, я понаблюдал за его домом, приметил, когда люди Дрозда приезжают деньги в кассу сдавать. Всегда в одно и то же время. Алмаз у них вроде как воровской банкир, зарабатывает свою долю на ссудном проценте.

– Ёшкин кот! – ударил кулаком по столу Слон, восхищаясь смелостью и безрассудством молодого «медвежатника». – Так ты это давно удумал Мишку на бабки выставить, а с ним и всех воров?

– Ну да, прикидывал, но перцу не хватало, – скромно признался Лапа, – теперь Дрозд мне перцу добавил. Ох, пожалеет он, что сделал это. Вот тебе крест, пожалеет. Я не я буду, а накажу его.

– Ну что ж, бог в помощь, – грустно усмехнулся Слон. – Бог дураков любит. А ты – фартовый, думаю, сможешь.

– Смогу, – заверил Лапа. Он смотрел на то, как гужется шайка Дрозда, и его глаза пылали ненавистью. – Значит, пока разбегаемся. Если что, я тебя разыщу.

Они попрощались, и Лапа вышел из кабака.

На обезлюдившей улице тускло горели редкие фонари, в основном перед питейными заведениями да притонами. Милиция с наступлением сумерек в районе показывалась редко, поэтому шинкари и шпана чувствовали себя вольготно. Лапа шел, погруженный в свои мысли. Дрозд сказал, что ему позволят уехать, но не гарантировал безопасности отъезда. Очень возможно, что кто-то из урок захочет отобрать у него добычу. Теперь ему надо ждать опасности и со стороны урок, и со стороны милиции. Его мог сдать любой фраер.

Лапа едва успел подумать о «браунинге», торчащем за поясом под рубашкой, как из ближайшей подворотни послышался какой-то шорох и возня. «Засада!» – всколыхнулось у него в душе. В руке, словно сам собой, появился пистолет. Из темного прохода прямо ему под ноги бросилась девчушка лет шести в грязном порванном платье, за ней с рычанием выскочил лохматый бродяга. Заметив незнакомца с оружием, он резко затормозил и неуверенно посмотрел на беглянку, соображая, что делать. Бродяга был пьян и вонял, как дохлый хорек.

– Дяденька, спасите меня, он делает мне больно, – залепетала девчушка, цепляясь за ноги «медвежатника».

Лапа взглянул в ее заплаканное лицо, обращенное к нему. У нее были большие выразительные синие глаза, светлые волосы. На щеке алел свежий след от удара, а из разбитых распухших губ текла кровь.

– Ты ей что, родственник? – хмуро посмотрел на бродягу Лапа.

– А тебе что за дело? Иди себе и не мешай, – прохрипел тот и пошатнулся, жестоко улыбаясь. Он был уверен в своей безнаказанности, оттого и удивился внезапно возникшему на пути препятствию.

– Он напал и сказал, что удавит меня, если не буду молчать, – всхлипывая, проговорила девочка.

«Своих мне проблем мало», – с раздражением подумал про себя Лапа, а вслух произнес:

– Эй, ты, дерьмо шелудивое, вали отсюда, пока маслину тебе в макиту не загнал. Че лыбишься, как параша?!

Бродяга зло посмотрел на «медвежатника», потом на девочку и крикнул ей:

– Я все равно тебя выслежу! Ты еще пожалеешь, что на свет родилась! Я с тебя шкуру с живой спущу, я с тобой такое сделаю...

Лапе надоел весь этот балаган, и он, достав «браунинг» из-за пояса, направил его на бродягу. Прозвучал оглушительный выстрел. Девчушка вскрикнула и закрыла глаза. Бродяга с дыркой во лбу, обливаясь кровью, рухнул назад в темный проход.

«Я слов на ветер не бросаю», – пробормотал себе под нос Лапа. Бродяга действительно мог потом выследить девочку, и никто бы ему не помешал осуществить задуманное. Выглядел он абсолютным психом. Человеческое существо, деградировавшее до животного уровня, такие способны на чудовищные зверства. Лапа опустил дымящийся пистолет, затем отпихнул девчушку и быстро пошел прочь, однако тут же услышал топот маленьких башмаков у себя за

спиной. Бродяжка бежала следом, прижимая к груди грязную куклу, обернутую в тряпье. Он проскочил через проходной двор на соседнюю улицу и несколько раз свернул, стараясь уйти как можно дальше от места убийства. Непостижимым образом маленькая бродяжка снова и снова появлялась сзади, словно приклеенная, и канючила:

– Дяденька, можно я с вами пойду? Я могу любую работу по дому делать: и печь топить, и полы мыть, и дрова таскать!

– Отстань, беги домой, к родителям! – в сердцах рявкнул на нее Лапа.

– У меня никого нет, папку убили красные, а мать тоже весной преставилась, – с жаром заговорила девочка.

– А мне-то что, что у тебя никого нет, – возмущенно фыркнул Лапа, – да таких, как ты, теперь на каждом углу с десятков набрать можно. Катись, к черту! Чего ты ко мне пристала?

– Нет, не прогоняйте меня, – всхлинула девочка, – вы добрый. Я буду хорошо работать! Я очень сильная. Могу ведро воды, даже два принести...

– Да нет у меня дома, сам шатаюсь туда-сюда, – буркнул Лапа, ускоряя шаг.

Девочка побежала быстрее, тараторя на ходу, как заведенная:

– Мы в скиту далеко в лесу жили, у «лучинковцев». Потом мама заболела, а святая матушка Васса сказала, что лечить ее нельзя, что ее душа нужна Богу, и надо ей помочь уйти из этого мира. Мамку на речку отвели, стали в проруби купать. И она умерла.

– Это ты у этих психов-сектантов жила, – присвистнул Лапа, немного смягчившись. – Ну и суки, мать твою уморили. Из-за этого ты от них убежала?

Он впервые видел человека, который смог покинуть секту, обосновавшуюся в лесах, в нескольких десятках километров от города. Люди обычно уходили туда и не возвращались. Сектанты отвергали все блага цивилизации, ходили в рубищах, питались подножным кормом и обогревались «данной богом» лучиной, за что и прозвали их «лучинковцами».

– Нет, матушка Васса сказала, что меня надо в жертву Богу принести, а я испугалась, – смущенно призналась девочка. – Залезла в телегу, на которой матушка Васса ездит в город, а ночью убежала. Потом Тихон – злой дядька, которого ты убил, – нашел меня и хотел увезти обратно.

– Ни хрена у вас там творится, – пробормотал Лапа, размышляя, что делать с попутчицей. Следовало ее куда-нибудь пристроить. Может, сдать Хазе, в притон, да попросить, чтобы научила воровать, чтобы сама обеспечивала себя? Что он еще может сделать для нее?! Кругом голод, разруха и толпы таких же, как она, беспризорников. Его самого не сегодня завтра пришьют. Или... Тут в его голове блеснула отличная идея. Обдумывая ее, он косился на девчонку, а та, заметно повеселев, без умолку рассказывала, как ее все обижали, как чуть не побили на базаре, когда она попробовала стащить пирожок у торговки. – Не умеешь ты жить на улице, – заметил Лапа, – если не сможешь быстро научиться, то сгинешь. – Он огляделся по сторонам. За спиной секунду назад послышался какой-то шорох, или ему показалось? Заметив перемену в нем, девочка мгновенно замолчала и насторожилась. Возможно, за ним следили от самого кабака. – Мне понадобится помощь в одном деле, – медленно проговорил Лапа, вытаскивая пистолет, – ты мне поможешь?

– Да, – кивнула девочка, не раздумывая.

– А зовут-то тебя как? – поинтересовался он, сняв оружие с предохранителя.

– Лизой, – ответила девочка, испуганно озираясь.

– Лизаветой, значит. – «Медвежатник» – неожиданно повернулся и выстрелил в темноту за кустами у стены дома.

Из кустов, ломая ветки, вывалился тип с обрезом. Лапа круто развернулся, закрыл собой девочку и снял второго, появившегося из-за угла. Снова развернулся, но третий нападавший успел выстрелить раньше. Пуля пробила сорочку на груди Лапы в области сердца. Он упал,

выронив пистолет, и почувствовал, что задыхается. Лиза, сбитая с ног, упала рядом и заплакала.

Стрелявший вышел из темноты под свет фонаря и навел на него револьвер. Это был Аркашка Бобер – вор, у которого он выиграл машину в карты. Лицо у Аркашки было сильно разбито. Не хватало трех передних зубов, а в глазах светился сумасшедший огонек.

– Где гаманок заныкал, падаль? – оскалился вор, целясь «медвежатнику» в голову. – Мне нужны бабки, что ты взял в кассе. Говори, или мозги сейчас разлетятся. Из-за тебя, гад, меня менты чуть не погасили. Говори! Считать не буду!

Глядя на палец Аркашки, напрягшийся на спусковом крючке, Лапа подумал, что настал его смертный час, однако в этот момент где-то рядом, прямо над ухом, оглушительно грохнул выстрел, и нападавший с удивлением увидел дырку от пули у себя на животе и хлынувшую из раны кровь. Лапа дернулся в сторону, а в следующую секунду от мостовой, где только что находилась его голова, срикошетила пуля. Падая, Аркашка стрелял, но все пули уходили мимо. Затем патроны кончились. Вор упал на мостовую, затих, и из-под его тела начала растекаться лужа крови, напоминающая в темноте чернила. Лапа посмотрел на Лизу. Глаза девочки были расширены от ужаса. Тут же «медвежатника» одолел новый приступ кашля. Приподнявшись, он расстегнул рубашку и увидел на груди массивный серебряный медальон с вмятиной от пули. Следом из складок рубашки на булыжники мостовой вывалилась деформированная пуля. Морщась от боли, он мягко отобрал у девочки пистолет, поднялся и махнул ей, чтобы шла следом:

– Давай, надо уходить.

В переулке на их пути возник патруль из отряда содействия милиции. Два парня и девушка. Дружинники тихо совещались и не заметили странную парочку. Лапа пихнул Лизу к щели в заборе. Они пробрались через какой-то заросший сквер, вышли на мощеную мостовую и зашагали к центру.

– Сейчас зайдем потолкуем с одним моим корешем и решим, что делать дальше, – сообщил Лапа девочке, толкнув дверь в подъезд трехэтажного купеческого дома, переделанного под общежитие.

По внушительной каменной лестнице они поднялись на второй этаж, и Лапа уверенно постучал в дверь. Внутри квартиры тихо зашуршали. Затем настороженный мужской голос спросил:

– Кто там?

– Золотуха! Сдайте, гражданин, золотые червонцы, – пошутил Лапа и уже серьезно добавил: – Открывай, это я, Серега.

Дверь приоткрылась. Сквозь щель на лестничную площадку выглянул высокий черноволосый поджарый мужчина лет тридцати пяти в поношенном халате. Он подслеповато шурился на них сквозь очки, озирался и нервно теребил аккуратную бородку клинышком:

– Кто это с тобой?

– Знакомься, это Лизавета, – улыбнулся «медвежатник» и представил ей хозяина квартиры: – Николай Павлович Загорский, скульптор, художник и мастер на все руки.

– Заходите быстрее, – буквально силой втащил обоих внутрь хозяин квартиры и накрепко закрыл дверь.

– Вижу, ты весь на измене! Что случилось? – благодушно поинтересовался Лапа у старинного приятеля.

Загорский сердито глянул на него и проворчал:

– А ты будто не знаешь. Здесь кругом уши, а ты приперся посреди ночи и орешь про золото. Хочешь, чтобы ко мне пришли?

– Неудачно пошутил, – виновато опустил глаза Лапа, – извини.

– Ладно, что с тебя взять. – И тут лицо Загорского вытянулось от изумления при виде пулевого отверстия на рубашке приятеля в области сердца. – Это что?

– А, ерунда, – нарочито небрежно бросил Лапа, – пока мы топали сюда, к нам подкатили кенты, и один из них пальнул в меня.

– И что, попал? – медленно пролепетал скульптор, таращась на отверстие.

– Ну, как видишь! Знаешь, какой синячище остался?!

– Синячище... – с недоверием повторил Николай Павлович. – От тебя что, пули отскакивают?

– Ты забыл, что я заговоренный, – довольно усмехнулся Лапа. – Помнишь бабу Евлампию? Она мне специальный медальон дала, сказала, что, пока он при мне, никто со мной совладать не сможет. Сам же все видел.

Первоначальное изумление быстро сошло с лица Загорского, на смену ему пришла досада. Всплеснув руками, он воскликнул:

– И ты что, веришь в эту чушь? Хватит тут мне мозги туманить! Вечно разыгрываешь! Знаешь, что я лежачий. – Не дав «медвежатнику» возразить, Николай Павлович прошел через комнату, заставленную скульптурами, к дивану, убрал с него пакеты с глиной, инструменты, стряхнул строительный мусор, а затем предложил: – Присаживайтесь, господа.

– Иди, садись. – Лапа с улыбкой подтолкнул глазевшую по сторонам Лизу к дивану.

Посмотреть действительно было на что. В комнате по всему периметру стояли скульптуры обнаженных женщин, выполненные в гипсе, глине, камне и даже дереве. Изваяния были различных размеров, но тем не менее очень похожи друг на друга пропорциями: мощный таз, толстые ноги, тонкая талия и большая грудь. Лиц у скульптур практически не было, лишь грубые наброски основных черт – носа, рта, глаз. Автор не стремился к четкости образа, добавляя в творчество примитивизма.

– Эх, жениться тебе, Коля, надо, – ухмыльнулся Лапа, похлопав одно из творений по бедру.

– Ой, оставим эту тему, ты уже мне надоел своими подковырками, – обиженно пробормотал Загорский, плотнее задвигая шторы.

– За тебя же волнуешь, а то лепишь, лепишь тут один в своей каморке. Так и до клиники недалеко. – Поскольку скульптор не ответил на замечание, Лапа обратился к Лизе:

– Вот видишь, человек занимается всякой ерундой целыми днями, не работает и непонятно, чем живет. Рано или поздно у компетентных органов возникнут вопросы. Я бы на его месте хотя бы для вида дворником, что ли, устроился, могут ведь невесть что подумать.

– Неправда, я работаю целыми днями как проклятый, – упрямо возразил Загорский, встав в позу, – и мои скульптуры, между прочим, пользуются спросом. Вот недавно одну у меня заказал очень влиятельный в городе человек. Он приходил сюда, смотрел, и ему все очень понравилось.

– Свистишь? – прищурился Лапа.

– Можешь не верить, мне безразлично. – Загорский достал из тайника под диваном сверток, положил на стол и, продемонстрировав «медвежатнику» свое изделие, начал объяснять: – Часовой механизм, хоть на четыре дня заводится. Когда время вышло, срабатывает ударный механизм и бьет по капсуле воспламенителя. Замедлителя нет. Потом воспламеняется основной заряд. Заряд имеет специальную форму, и поэтому взрыв будет направленным на объект, к которому ты прикрепил устройство. Снаряжено прессованным тротилом.

– Замечательнейшая вещица, – мечтательно протянул Лапа, принимая из рук скульптора взрывное устройство.

– Но, прошу тебя, больше ко мне с подобными вопросами не обращай, – с волнением попросил Загорский. – Понимаешь, я хочу жить спокойно. Я больше не тот гимназист-анар-

хист, которого ты знал раньше. С этим покончено. У меня только жизнь начинает налаживаться.

– Больше не попрошу, – пообещал Лапа с серьезным видом, – это в последний раз. Я смытываюсь отсюда. Меня крепко прижали, так что это последнее дело.

Загорский сначала удивился, потом выразил сожаление, но по лицу было видно, что скульптор почувствовал огромное облегчение от того, что старый товарищ исчезнет из его жизни. Затем предложил выпить чаю, нашел для Лизы глазурный пряник, варенье и хлеб. Наблюдая за девочкой, жадно уплетавший хлеб с вареньем, Лапа спросил Загорского, нет ли у того чего посущественнее. Скульптор достал из буфета копченую грудинку, коляску колбасы, сыр, еще хлеба. Разжег примус, чтобы вскипятить воды для чая.

– А у тебя, я вижу, действительно жизнь налаживается, – заметил Лапа и хитро подмигнул, кивая на продукты.

– Это мне заказчик за скульптуру задаток дал, – стал оправдываться Загорский. – Только в коммерческом и можно купить что-то нормальное или на базаре. А на это нужны живые деньги...

– Кстати, об оплате, – похлопал Лапа по плечу приятеля, – у меня есть свежие ордера Торгсина на получение товара. Как тебе такой расклад? – Он достал две пачки ордеров и протянул их скульптору. Загорский осторожно взял, внимательно посмотрел их и спросил:

– Ворованные?

– Нет, мне их в НКВД выдали за хорошее поведение, – хохотнул «медвежатник» и добавил весело:

– Ясен пень, ворованные.

– Много, – задумчиво пробормотал Загорский, – да, я, пожалуй, возьму.

– И вот еще, – сунул ему мешочек с серебром Лапа, – это тоже можно переплавить и сдать в Торгсин или слепишь из него что-нибудь.

– О, серебро, то, что нужно, – восхитился Загорский, – у меня как раз есть один проект. Вот, посмотри наброски. – Скульптор засуетился, достал скрученные в трубочку листы бумаги и стал разворачивать их перед Лапой, демонстрируя карандашные рисунки, изображавшие мощную молодую женщину, замахнувшуюся молотом над наковальней. – Скульптура будет называться «Дочь кузнеца» и отражает в себе все, что сейчас происходит, все реалии нашего общества, тенденции соцреализма – весь этот кошмар, грубость, крушение идеалов красоты и гармонии. Что ты об этом думаешь?

– Да ничего не думаю. Думать мне, что ли, больше не о чем, – фыркнул Лапа, находясь в легком шоке от задумки приятеля. – Ты уж что придумаешь, так придумаешь. Только диву даешься. Я вообще-то сейфы вскрываю, а не рисование в гимназии преподаю, так что извиняй за непонимание.

Чтобы обрести хоть какую-то поддержку, Загорский показал наброски Лизе:

– А тебе нравится?

– Нет, она страшная, – честно призналась девочка с набитым ртом, уплетая колбасу. Скульптор безнадежно махнул рукой, как бы говоря: «Ну, что тут можно сказать?»

– И ты думаешь, у тебя эту бабищу с молотком купят? – с сомнением поинтересовался Лапа. – А то переведешь зря серебро, и будет она потом стоять и пылиться в чулане.

– Купят, не переживай, – сварливо ответил Загорский. Он с обидой воспринял сомнения приятеля в его таланте, поэтому долгое время сидел за столом молча, а если и отвечал, то односложно, даже с раздражением.

– Ладно тебе дуться, обидчивый какой, – не выдержал, в конце концов, Лапа и шутя толкнул скульптора кулаком в бок: – Скажи лучше, как ты этих теток лепишь, по памяти, что ли?

– У меня натурщица есть, – сердито буркнул Загорский.

– Да ты что? – присвистнул Лапа от восторга. – Колись, кто она? Я ее знаю?

– Откуда тебе ее знать, – тяжело вздохнул Загорский, – она жена большого человека. Муж выполняет все ее капризы. Она сказала, что с детства хотела позировать для картин или для скульптур. Просила, чтоб я сделал из нее «Венеру Милосскую».

– Что она просила? – глумливо улыбаясь, переспросил Лапа.

– Неважно, – махнул рукой Загорский и зевнул, прикрывая рот ладонью. Ему очень хотелось спать, и он покосился на гостей.

Уходить те явно не собирались, поэтому скульптор предложил остаться, расстелил им на полу пледы, старую перину, соорудил что-то вроде подушки для девочки. Та тоже зевала и почесывала волосы под платком.

Неплохо бы ей помыться, а то занесет еще чего-нибудь в квартиру, мелькнула мысль в голове у Загорского. Поймав за руку Лапу, он тихо спросил у него:

– А эта девчонка кто? Не слышал, чтоб у тебя дети водились. Ты вроде и женат никогда не был.

– Да она так, на улице приبلудилась, – пробормотал «медвежатник», – вот не знаю, что делать теперь. Прогнать жалко. Она мне жизнь спасла, и за мной теперь как бы должок. Слушай, а тебе по дому помощница не нужна? Она сказала, что все умеет делать.

– Какая помощница, окстись, ей лет семь-восемь, не более, ребенок совсем. Мне некогда тут с ней нянчиться, сам решай, что с ней делать. – Загорский осторожно приподнял грязную куклу девочки, которую она положила на стул, и присвистнул: – Штучка-то дорогая. Твоя Лиза либо из знатной семьи, либо сперла ее где-нибудь.

– Лиза, откуда у тебя кукла? – громко поинтересовался Лапа, которого разбирало любопытство.

Девочка расчесывала перед зеркалом волосы поломанным гребешком и с растерянным видом обернулась:

– Моя она. Честно, моя! Мне папа купил. Она была раньше красивая. Прасковья ей платье стирала и волосы расчесывала.

– Ясно, – кивнул «медвежатник» и посмотрел на скульптора.

– Если почистить, то ее можно продать, – пробормотал Загорский, – очень добротна сделана. Хороший материал и почти не пострадала.

– Да никто не собирается ее продавать, – тихо ответил Лапа, – просто скажу ей, что, в случае чего, она может принести ее тебе. И ты уж не обмани сироту, дай нормальную цену.

– Договорились, – кивнул Загорский.

Взгляд Лапы упал на наброски новой скульптуры приятеля. «Дочь кузнеца» грозно смотрела на него с карандашного наброска. В руках занесенный молот. Ему казалось, что вот так же весь мир замахивается на него, желая уничтожить, расплющить, стереть в порошок. А он, всем назло, выживает.

4

Наши дни

Захар Петрович Антонов был невысоким, но широким в плечах и выглядел благодаря регулярным занятиям самбо и тренировкам в спортзале в свои сорок пять так, как многие и в двадцать пять мечтают, да не могут. Сильное волевое лицо с квадратным подбородком, правильные черты, серые глаза, взгляд которых заставлял трепетать от страха сердца уголовников. Возраст выдавала лишь седина, тронувшая коротко стриженные волосы, да морщины, пересекавшие лоб и углублявшиеся всякий раз, когда Захар Петрович задумывался. А задумываться Антонову по роду службы приходилось довольно часто. Он был старшим следователем главного следственного управления Уголовного розыска ГУВД.

Этим утром Захар Петрович поднялся рано. Виной всему был звонок дежурного, сообщившего об ограблении музея краеведения. Пострадали двое сотрудников ППС и сторож музея. Взглянув на спящую жену, он тяжело вздохнул и принялся одеваться. Достал из шкафа бежевый костюм, галстук. Выглянул в окно – его старенький, цвета индиго «БМВ» стоял припаркованный у подъезда.

Через полчаса Антонов был уже на месте. В зале, где проходила выставка, работали эксперты-криминалисты. Под ногами хрустело битое стекло. Он поздоровался с ними, потом подошел к группе коллег, толпившихся у комнаты охраны. Каждого он знал лично. Тут был и местный участковый Игорь Маслов, и опера из второго отдела по раскрытию имущественных преступлений Северцев и Баранов, а также полицейские в форме ППС с разукрашенными синяками физиономиями. Фотограф из экспертно-криминалистического центра фотографировал перерезанные провода. Возле него суетился Лукашин – молодой следователь из следственного управления, работавший под началом Антонова. Еще были полный слащавый мужчина в клетчатом костюме с приклеенной фальшивой улыбкой и нервная женщина лет сорока в темно-синем платье.

– Вот до чего кризис бандитов довел. Музеи краеведения стали бомбить, – невесело пошутил Северцев.

– Что украли-то? Какова сумма похищенного? – поинтересовался Антонов.

– Здравствуйте, Захар Петрович, – обрадовался Лукашин. Он заполнял протокол осмотра, и появление начальника придало ему уверенности.

– Привет, Артем, – кивнул Антонов.

Лукашин кратко изложил руководителю суть дела – все, что известно на данный момент. Бандитов было от трех до пяти человек, в камуфляже, с оружием. Приехали на милицейской машине. С одним из налетчиков сидела девушка-блондинка. Бандиты вырубili газом сторожа, потом шофер «отправил отдыхать» двух патрульных, попытавшихся проверить у него документы, после чего налетчики уехали с награбленным в неизвестном направлении. Сторож попал в больницу с сердечным приступом, и от него сейчас мало толку. Свидетелей не было. Никто из жильцов соседних пятиэтажек ничего не видел и не слышал.

– Ясно, – кивнул Антонов, отмечая основные моменты в блокноте.

Баранов подвел к нему типа в клетчатом костюме и представил:

– Это Гашников Виктор Андреевич, директор музея. Он знает, что и сколько украли.

– Захар Петрович, – представился Антонов, пожимая рыхлую холодную руку директора. – Насколько ценны украденные экспонаты?

– Ну, можно сказать, они бесценны. Многие – авторские работы местных скульпторов, резчиков, кузнецов и художников, – эмоционально заговорил Гашников высоким неприятным

голосом, – и для нашего музея это невосполнимая потеря. Если экспонаты не будут возвращены, город потеряет часть своей истории! Время это...

– Меня интересует, проводилась ли экспертиза рыночной стоимости экспонатов, – перебил его следователь, – вы же должны были их застраховать. Мне хотелось бы взглянуть на документы.

– Вот, пожалуйста, – подсунил ему пачку бумаг Гашников. – Ваши коллеги уже задавали этот вопрос, и я все подготовил. Это книга специального учета музейных экспонатов из драгоценных металлов. – Передав пухлый том в коричневом переплете, директор музея буквально силой вытащил и поставил перед собой нервную женщину в синем платье: – Позвольте представить, Надежда Васильевна, хранительница фонда. Если возникнут какие-то вопросы, можете смело обращаться к ней. Надежда Васильевна – настоящий эксперт и прекрасный человек.

– Здравствуйте, – кивнул Антонов и напомнил: – Мне бы хотелось все-таки узнать стоимость похищенного, хотя бы ориентировочную.

– Ну, тысяч сто, сто пятьдесят, не больше, – пробормотала Надежда Васильевна, теребя золотой браслет на запястье.

– Негусто, – заметил следователь.

– Но историческая ценность их неизмеримо больше, – вклинился в разговор директор.

– Сейчас разговор не об истории, а о приземленной действительности, – терпеливо разъяснил ему Антонов. – Мне, например, теперь понятно, что в списках Christie's и Sotheby's похищенное можно не искать. Часть, скорее всего, осядет здесь, в городе, а другая часть растечется по частным коллекциям по всей России. Не думаю, что что-то повезут за границу.

– Вы знаете, Захар Петрович, – с заискивающей улыбкой начал директор музея, – в свете этих событий... Управление по культуре области, скорее всего, назначит проверку, и нам понадобятся все эти документы. Если не принципиально, мы бы могли предоставить вам их ксерокопии.

– Нет, принципиально, – отрезал Антонов и, поманив к себе Лукашина, вручил ему книгу и пачку бумаг: – Вот, изучай. Затем обратился к директору музея: – Виктор Андреевич, я смотрю, у вас в музее система безопасности установлена не из дешевых: сигнализация, видеонаблюдение.

– Ну, часть денег выделило управление культуры, а с остальным помогли спонсоры.

– А что, были какие-то проблемы до этого? – спросил Антонов, делая пометки в блокноте.

– Да нет, особенного ничего, – пожал плечами Гашников. – Так, персонал стал привороживать по мелочам. А как камеры установили, сразу все прекратилось.

– Если не секрет, Виктор Андреевич, кто ваш спонсор, та добрая муза, что дала денег на всю эту красоту? – кивнул на видеокамеры Антонов.

– ООО «Луч», слышали, наверное. У них еще крупный оптово-розничный торговый комплекс на окраине города.

– Конечно, слышал. Кто ж о них не слышал, – ответил Антонов с кривой улыбкой, – даже лично знаком с руководителем. Приходилось сталкиваться по работе. Ладно. Теперь о главном. Подготовьте детальные описания и фотографии похищенных вещей. Мне это нужно сегодня после обеда. Пока все.

– Мы все сделаем, – широко и фальшиво улыбнулся директор.

– Гриш, ну, что у вас для меня? – поймал за руку эксперта Григория Павленко Антонов.

– Практически ничего, – с грустным видом констатировал Павленко, – ни отпечатков, ни следов, одно битое стекло. Видно, парни не дураки.

Дверной проем загородила массивная фигура оперативника.

– Петрович, тут такое дело, – начал Баранов, – оказывается, сигнал с видеокамер регистрировался и здесь, и в соседнем офисе. Там аппаратура уцелела. В принципе можно хоть сейчас пойти и посмотреть шоу.

– Наконец-то хорошая весть, – улыбнулся Антонов и кивнул на сотрудников ППС: – Эти что-нибудь путное рассказали?

– Да говорят, у налетчиков был какой-то странный акцент, то ли прибалтийский, то ли английский, трудно сказать, – неуверенно ответил Баранов. – Парень в машине был смуглый и по ходу вообще не говорил по-русски, только заученные фразы. Была еще девушка-блондинка, но она молчала. Может, иностранцы какие?

– Иностранцы гастролеры атакуют музей краеведения в незнакомом городе – звучит дико, – прокомментировал Антонов. – Кто в здравом уме пойдет грабить реликвии тридцатых годов? Да и кому они вообще нужны?

– Ну, антикварам, наверное, – предположил Лукашин, заинтересовавшийся разговором.

– Допустим, – миролюбиво согласился следователь, – предположим, что кто-то заказал часть предметов из фонда выставки тридцатых годов. Этот человек нанимает банду профессиональных налетчиков, те грабят музей и вывозят награбленное за границу. Все логично. Только одно смущает – стоимость украденного намного меньше, чем расходы на проведение операции. Раза в три-четыре. Тот, кто организовывал налет, наверное, был просто фанатом соцреализма, коли пошел на такие убытки.

– Да, странно, – почесал затылок Лукашин.

– А может, налетчики и не профессионалы, – выдвинул новую гипотезу Баранов, – так, гастарбайтеры со стройки. Отсюда и акцент. На выпивку не хватало, и полезли в музей.

– Они приехали на милицейской машине, вооруженные, в камуфляже, – напомнил Антонов.

– Да, точно, – ухмыльнулся Баранов, – тогда я – пас.

Офис ООО «Луч» находился в смежном с музеем краеведения здании. На первом этаже офиса имелся круглосуточный пост охраны с местом оператора системы видеонаблюдения. Следователи, оперативники и эксперт из экспертно-криминалистического центра толпой ввалились в тесную комнату службы охраны.

– Кто начальник караула? – поинтересовался Антонов.

– Ну, я, – подал голос небритый верзила в серой форме охранника. Он с виноватым видом прятал глаза, и следователь понял, что за этим что-то кроется. Видимо, охрана в то время, когда грабили музей, занималась чем-то, что должностной инструкцией не поощряется. Спиртным не пахло, но было еще много других способов весело и с толком провести рабочее время в отсутствии руководства.

– Как же вы проспали налет на музей?

– Да мы и не следим за музеем, – нехотя признался охранник. – Камеры пишут и пишут, потом, если что, можно просмотреть запись. Мы в основном за офисом наблюдаем и стоянкой.

– Ну, так давайте посмотрим запись из музея, – предложил Антонов.

– Подождите минуту, сейчас шеф должен подъехать, – затравленно посмотрел на следователя охранник, – без него я не могу.

– А я тебя, нехороший человек, сейчас мордой в пол уложу, а потом ты мне весь обезьянник зубной щеткой вычистишь, – попер на охранника Баранов.

– Миша, спокойно, сейчас все решим, – осадил его следователь.

– Вы не имеете права, – робко возразил охранник.

– Знаете, как это называется? – любезно поинтересовался у него Лукашин. – Неподчинение сотрудникам...

Он не закончил фразу, так как в дверях показался шеф. При появлении хозяина охранники вскочили с мест и вытянулись по струнке.

– Что у вас тут происходит? – спокойно спросил черноволосый мужчина средних лет, облаченный в дорогой темно-синий костюм без галстука. Верхняя пуговица рубашки была

растегнута. На запястье сверкали дорогие золотые часы «Патек Филипп». Движения точные, законченные, а взгляд карих, почти черных глаз бизнесмена, казалось, проникал под кожу. Антонов прекрасно знал этого человека. Респектабельная внешность была лишь фасадом, за которым скрывалось звероподобное существо – хитрое и изворотливое настолько, что оставалось только удивляться. Эдуард Кано – владелец ООО «Луч», а также вор в законе по кличке Тихий. За ним числилось больше десятка тяжких преступлений, однако хорошие адвокаты и связи делали Тихого недосыгаемым для закона. Антонов несколько раз обжегся на нем и теперь был готов отдать правую руку, только бы ему позволили разобраться с бандюганом.

– Повторяю, что тут происходит? – вновь спросил Кано.

– Музей ограбили... Ну, а они хотят видео посмотреть, – запинаясь, стал объяснять охранник.

Кано улыбнулся Антонову как старому знакомому и громко произнес:

– Что ж, если хотят, пусть смотрят. Мы за просмотр денег не берем.

Все расселись на стульях перед большим монитором, висевшим на стене, затем начальник караула услужливо подвинул стул шефу и стал копаться в архивах на жестких дисках видеосервера.

– Вот, кажется, нашел! – воскликнул он.

– Ну, включай, – ухмыльнулся Кано, – посмотрим на этих фраеров.

Собравшиеся от любопытства невольно подались вперед, когда на экране пошла запись с камеры в холле музея. Кадры больше напоминали американский блокбастер, чем реальность. Вот сторож упал, и пятеро в камуфляже ворвались в здание музея краеведения. Было ощущение, что грабят хранилище с золотовалютным запасом страны, а не какое-то заштатное учреждение Министерства культуры области.

– Вот клоуны! По-моему, они что-то попутали, – не удержался от комментариев Кано.

– Согласен, весьма странное поведение, – подтвердил Антонов.

Вор в законе смерил его надменным взглядом, но ничего не сказал. Охранник тем временем переключился на камеру в комнате охраны музея, прокрутил места, где сторож ковырял в носу, а также занимался всякими посторонними делами, и остановился на моменте, когда в комнату охраны ворвались налетчики. В камере имелся микрофон, поэтому зрители могли слышать звук.

– Они разговаривают на французском, – изумленно констатировал Лукашин.

– Удивляюсь все больше и больше, – пробормотал Антонов. – Они – либо из клуба любителей французского языка, либо действительно французы. Последнее вообще в голове не укладывается. Ехать из Европы в глубинку России, чтобы ограбить музей краеведения...

– Да в Европе они там все лохи, – заметил со знанием дела Кано. – Кто-то им сделал прогон, что здесь, в России, музеи от «рыжья» ломаются, вот они и прикатили... Короче, форшманулись по полной...

Начальник караула как-то невпопад заржал. Все вопросительно посмотрели на него. И он, убирая с лица улыбку, буркнул:

– Да... это... придурки они...

– Интересно, а чем вы, ребята, занимались, когда эти отморозки по музею лукались? Там шороху было – мама дорогая! Только глухой не услышит! – нахмурившись, обратился к нему Кано. – Поди, «понты колотили» да водку жрали.

– Нет, что вы, Эдуард Валерьевич, ничего такого, отвечаю, – бурно возразил начальник караула.

– А ты знаешь, что во время последнего ремонта проводки у вас в комнате скрытую камеру заныкали? – оскалился Кано, и начальник караула сделался сразу белым как простыня.

– Как заныкали? – пораженно прохрипел второй охранник.

– Боком, – весело пояснил Кано, – подошел к регистратору, набрал код и открыл еще один архив. – Та-а-к, посмотрим.

На экране пошли кадры из комнаты, где все в данный момент находились. Судя по записи, охранники не теряли зря времени. Сначала забили по «косячку», потом увлеченно резались в какую-то стрелялку на компьютере, потом подключились к онлайн-овому стриптизу и скакали вокруг монитора, точно дикие обезьяны после стакана водки. Стриптизом, однако, дело не ограничилось, и вскоре подъехали девочки.

– Эдуард Валерьевич, я, типа, объясню, есть уважительная причина, – быстро заговорил начальник караула, – был повод... у Дениса торжество... – Он старался врать быстро, но мозги работали со скрипом.

Кано велел ему заткнуться и обратился ко второму охраннику:

– Так, Денис, что у тебя там за торжество было?

– Это... как его, день рождения, – неуклюже произнес охранник, глядя в пол. От напряжения на лбу у него выступила испарина.

– Документы – паспорт или водительские права – мне на стол, быстро! – рывкнул Кано, ударив со всей силы ладонью по столешнице. – Че, падла, я не ясно выражаюсь?

Позеленевший охранник протянул дрожащей рукой водительское удостоверение. Кано взглянул на него и воскликнул:

– Ба, да ты попутал, дурилка картонный! У тебя зимой день рождения, а сейчас лето.

– Эдуард Валерьевич, это один раз было, больше такого не повторится, – с жаром заверил начальник караула, понимая, что попал.

– Что, посмотрим другие дни? – предложил Кано и стал прокручивать записи. Везде была похожая картина, правда, с некоторыми вариациями – девочки заменялись водкой или порнофильмами.

– Вы уволены. Собирайте манатки и валите! – отрезал Кано. – Вас бы еще кастрировать, чтоб придурков не плодили, но потом скажут, что я не гуманно поступаю, поэтому живите... Кстати, зарплату за последний месяц вы мегабайтами выбрали.

Позже в своем рабочем кабинете Антонов задумчиво разглядывал флешку с видеозаписью ограбления, которую ему подарил вор в законе.

– Да, этот Тихий – крепкий орешек, просто так его не возьмешь, – вздохнув, произнес он.

– Да-а, – отстраненно согласился Лукашин, сидевший в кресле для посетителей с чашкой кофе в одной руке и протоколом осмотра места преступления – в другой. Он изучал написанное, силясь понять причины преступления. Все казалось чертовски запутанным и непонятным.

– Ты записал координаты охранников, которых уволил Кано? – поинтересовался Антонов.

– Да, но зачем они тебе? – пожал плечами Лукашин. – От этих придурков все равно никакого толку.

– Я бы так не сказал. Они обижены на хозяина, это можно будет использовать, – не согласился с подчиненным Антонов. Отложив флешку, он стал просматривать каталог музейных экспонатов. Наконец на глаза попала фотография предмета, который следователь искал. Небольшая статуэтка из серебра – молодая девушка с молотом в руках, замахнувшаяся для удара. «Дочь кузнеца», – прочитал он под фотографией, – тысяча девятьсот тридцатый год, автор Николай Павлович Загорский. В этом же году автор спешно иммигрировал во Францию, спасаясь от политических преследований...

– Что-что? – оживился Лукашин. – Что там еще написано?

– Да вот, в общем-то, и все, – снова вздохнул Антонов.

– Негусто, – подытожил Лукашин. – И что нам это дает?

– Я внимательно смотрел запись и наткнулся на момент, когда главарь налетчиков разбил витрину с изделиями из серебра, взял небольшую статуэтку и сделал знак подельникам сворачиваться. После этого они ретировались. Теперь я уверен, что они пришли именно за статуэткой, остальное – просто видимость. За этим определенно что-то кроется, уж больно нетипичный случай. – Антонов подвинул к себе книгу специального учета музейных предметов из драгоценных металлов и драгоценных камней, полистал, нашел по инвентарному номеру «Дочь кузнеца» и присвистнул: – Ого! Серебро 900-й пробы, вес 584 грамма, высота 22 сантиметра, оценочная стоимость 48 500 рублей. Это действительно самое ценное из всего украденного, но ехать за этим из Франции пяти головорезам – явный перебор. Что-то не сходится.

– Можно? – Лукашин подтянул к себе книгу и стал рассматривать фотографии. Статуэтка произвела на него неизгладимое впечатление. – Ужас какой-то!

– Не судите строго, – улыбнулся Антонов, – тогда это было модно. Соцреализм с оттенком примитивизма, вроде «Женщины с веслом». Кстати, вот что интересно, ведь этот автор не работал с серебром, он изготавливал садово-парковые скульптуры, скульптуры для фонтанов. «Дочь кузнеца» – единственное изделие Загорского из драгоценного металла. В основном он работал с гипсом и глиной, редко с камнем.

– Может, ему не нравилось работать с металлом, – пожал плечами Лукашин. – К чему вы клоните?

– Объясняю, – учительским тоном начал Антонов. – Тридцатые годы – трудное время. Плохо с продуктами, карточная система распределения товаров. Этот скульптор, скорее всего, не был особо известным, а его скульптуры востребованными. В каталоге о нем несколько строчек, в то время как о других по полстраницы. На что он жил? Откуда взял полкило серебра 900-й пробы?

– Ну, это мы вряд ли теперь узнаем, – осторожно заметил Лукашин.

– Может, и не узнаем, – кивнул Антонов. – Интересно другое, почему выкрали эту статуэтку? Стоимость смешная. А вдруг ее неправильно оценивали, либо кому-то она дорога по иным причинам?

– Французские потомки скульптора, – воскликнул Лукашин, просияв. – Помните, он же свалил во Францию? Наверняка встретил там какую-нибудь француженку. У них родились дети, и вот кто-то из них решил вернуть статуэтку, сделанную прадедом.

– Интересная теория, – похвалил Антонов и спросил: – А почему им просто не приехать и не купить статую у директора музея? Ты видел его – скользкий тип. Такой и мать родную продаст, если достаточно предложат.

– Да, неувязочка, – озадаченно почесал затылок Лукашин.

– Ничего, разберемся, – заверил его Антонов и подвинул к подчиненному талмуды из музея. – Отдай это нашим спецам, пусть выскажут свое мнение. Чувствую, что разгадка где-то рядом. И узнай насчет запроса по поводу иностранцев. Нужно организовать проверку всех граждан Франции, находящихся на территории области.

Главарь банды налетчиков Алекс не был прирожденным французом. Десять лет назад его звали Александром Акиньшиным. Жил он в небольшом подмосковном городке, активно участвуя в его криминальной жизни, а когда припекло, прихватил награбленное и свалил в гордую и свободную Францию, где на таких, как он, смотрели сквозь пальцы. Деньги, однако, быстро кончились, и пришлось начинать все с нуля. Постепенно он оброс связями, и пошло все по накатанной колее: аферы, рэкет, наркотики, торговля женщинами из России. А потом ему позвонили и предложили настоящее дело. Сумма вознаграждения была столь велика, что он мог после этого запросто уйти на покой. И вот он снова здесь, в России, вместе с бандой отпетых уголовников. В страну они въехали по поддельным паспортам. Документы Алекс добыл у своих соотечественников, приехавших во Францию за «длинным рублем». Они неосмотрели

тельно доверили ему свои документы, заплатили за трудоустройство и оформление вида на жительство, а он просто взял и смылся. Потом эти документы побывали в руках у специалиста, и проблем на границе не возникло.

После налета на музей банда вернулась на съемную квартиру на окраине города. Отпраздновав удачную операцию, легли спать, а утром, поправившись пивом, стали проверять добычу.

– По-моему, это какой-то хлам, – с обескураженным видом высказался Пьер, вертевший в руках старинный примус. – Что мы за это получим? Дерьмо какое-то!

– Не разбираешься в антиквариате – молчи, – спокойно возразил Алекс. – Реализацию я беру на себя, никто не останется внакладе. Я обещал, что вы после этого дела полюбите Россию, и сдержу слово.

– Да имел я тебя и твою Россию! – завопил Пьер и швырнул примус на диван. – Отдай мне мои деньги!

– Нет проблем, реализую товар и отдам, – улыбнулся Алекс. Его улыбка и стальной взгляд заставили убийцу мгновенно остыть. Пьер сник, плюхнулся в кресло и с озлобленным видом уставился в экран телевизора. Остальные члены банды вели себя более сдержанно. Клод вытаскивал из сумки украденные вещи и раскладывал их на столе, Зое примеряла старинные серьги, худой тип Шарль-Анри Куапель, по кличке Стрелок, разглядывал золотой червонец образца двадцать третьего года. На одной его стороне был изображен сеятель, на другой – герб РСФСР.

– Пятьсот евро, не больше, – бросил ему Матис Бонар, отвечавший в банде за техническое обеспечение.

Из кухни вернулся Рэми Келлерман, вечно жующий бритоголовый увалень, покрытый татуировками. В руках он держал бутерброд и чашку кофе.

– За что пятьсот евро? – поинтересовался Рэми, услышав лишь часть разговора.

Стрелок бросил ему монету и пояснил: – Вот за это. Мы тут прикидываем, сколько сможем получить за весь этот хлам.

Вслед за Рэми из кухни появился Мишель Парментье. Он и Келлерман смотрелись как близнецы-братья, но в отличие от последнего Мишель предпочитал пиву занятия в спортзале и поэтому обладал рельефными мышцами и стройной фигурой. Оба бывшие легионеры, специалисты по рукопашному бою и минно-подрывному делу.

– Золото, – радостно пробасил Мишель, вырывая из рук Рэми монету. Рэми в ответ саданул его кулаком по печени и тут же получил в ответ болезненный тычок в плечо, от которого чуть не парализовало руку. – Ну, что, лузер, – оскалившись, бросил Мишель, махая перед носом товарища монетой, – как я тебя поймал?

– Все, хватит! – рявкнул Алекс и саданул кулаком по столу так, что посуда на нем зазвенела. – Кончайте куражиться. Все вещи сложите в одну сумку. Я сейчас пойду на встречу с покупателем. Товар надо сбыть здесь, через границу мы с этим дерьмом не проедем.

– Пусть кто-нибудь из нас пойдет с тобой, – предложил Пьер, сузив глаза. – На улице опасно, не хотелось бы, чтобы тебя грабанули.

– Я за себя постоять смогу, не волнуйся, – заверил его Алекс, доставая из кармана пачку сигарет. – Здесь не опаснее, чем в Сент-Денизе.

Возражать ему не стали, так как были знакомы с Алексом не первый день и знали, что толковей и пронырливей парня не сыскать во всем Париже. Клод и Зое быстро сложили все вещи в спортивную сумку и передали ее Александру. Тот взял, прикурил тонкую сигарету с ментолом и улыбнулся соратникам:

– Не печальтесь, друзья, я скоро вернусь с хорошими известиями. Мы уедем из России богачами.

На улице Алекс вдохнул полной грудью и посмотрел на небо. После десяти лет во Франции ему казалось, что воздух в России особенно сладок, а в небе больше лазури. Ему было

хорошо на родине, он любил беспредел, царивший в девяностых, и поэтому испытывал жуткую тоску по старым временам. Хорошему настроению способствовало и то, что он был близок к своей цели. Еще один шаг, и он станет богатым. Делиться с остальными Алекс не собирался. Он бросит французов на растерзание ментам и братве, а сам свалит.

Алекс шел по улице и широко улыбался. Присмотрев в небольшом грязном дворике мусорный контейнер, подошел к нему, расстегнул сумку и выбросил пакет с антиквариатом, похищенным из музея. Он и не собирался искать покупателя, встречаться с кем-то и светиться из-за какого-то хлама. В сумке осталась лишь статуэтка «Дочь кузнеца». Это единственное, что ему было нужно для счастья. Что он скажет поделщикам, когда они спросят, где вещи? Да ничего, так как просто не вернется больше в ту квартиру.

По дороге Алекс зашел в магазин хозяйственных товаров, купил ножовку по металлу, затем приглядел пятиэтажку, подготовленную под снос. Здание стояло с выбитыми стеклами, пустое, а вокруг уже начали возводить забор будущей стройплощадки. Он вошел в пустой подъезд, свернул в одну из квартир и там аккуратно распилит статуэтку надвое – так, чтобы не повредить то, что находилось внутри. Однако оказалось, что осторожничал напрасно – внутри статуэтки зияла пустота. Не было даже пылинки.

Что это, мысленно возопил Александр, стараясь сохранить здравый рассудок. Его кинули! Столько сил и денег ушло впустую! Он не мог поверить в это. Глухо застонав, Алекс стиснул половинки статуэтки в руках, словно хотел выдавить из изваяния правду. Где же он допустил ошибку? Мысленно он уже был на борту самолета, следовавшего в Париж. В кармане лежали билеты, документы. И что теперь? С остервенением Алекс швырнул половинки в противоположную стену, потом схватился за голову и застонал еще громче. Постепенно способность соображать стала возвращаться к нему. В конце концов, всему можно найти логическое объяснение. Всегда существует выход, вопрос лишь в цене. Успокоившись, он достал телефон и набрал номер заказчика. Зазвучали длинные гудки. Потом в трубке раздался каркающий старческий голос:

– Алекс, чего звонишь? Надеюсь, новости хорошие?

– Ну, одна новость хорошая, а другая не очень, – спокойно ответил Алекс, мысленно представляя старика на больничной койке, увитого трубками, соединенными с новейшей аппаратурой, способной на время заменить вышедший из строя орган и тем самым продлить ему жизнь. Ходили упорные слухи, что мсье Жан-Жак Мало тяжело болен, и ему остались считанные дни. Алексу не хотелось расстраивать человека, которому нечего терять, тем более что человек этот считался кровожадным мясником, способным достать любого даже из могилы.

– Ну, чего молчишь? – поинтересовался старик и закашлялся, затем, уняв приступ, сипло добавил: – Говори, не испытывай мое терпение.

– Хорошая новость в том, что статуэтка у меня, – нехотя вымолвил Алекс и, сглотнув, выдохнул: – А плохая в том, что внутри ничего нет.

Ярость Мало трудно было представить. Он рвал и метал. Закончилось все еще одним приступом кашля. В трубке послышался какой-то шипящий звук, затем старик нервно спросил:

– А ты ничего не перепутал, это точно «Дочь кузнеца»?

– Ошибки быть не может, все сходится, – заверил его Алекс, которого от разговора бросало то в жар, то в холод, – мы ее взяли прямо из музея. Директор отказался продать, и мы забрали ее бесплатно. Грабаныли музей.

– Так, а почему директор отказался продать? – живо заинтересовался старик. – Может, ты мало предложил?

– Нет, я предложил очень много, но он уперся и ни с места, – ответил Алекс.

В трубке наступило продолжительное молчание. Слышался лишь свистящий звук дыхания да гул медицинских аппаратов.

– Мсье Мало? – осторожно позвал Алекс, заподозрив, что старик окочился.

Мало точно уловил его мысли и хрипло прокаркал:

– Не переживай, я еще жив и, если надо, смогу до тебя дотянуться где угодно.

– Не сомневаюсь в этом, – буркнул Алекс.

– Думаю, директор не хотел продавать статуэтку потому, что она была подделкой, – задумчиво изрек Мало. – Видимо, настоящую он спихнул какому-то антиквару и боялся скандала. Отнеси статуэтку эксперту, пусть проверит. В настоящей серебро девятисотой пробы, в подделке проба будет гораздо ниже. Если мои предположения верны, бери директора музея и прессуй, пока из него кишки не полезут. Он должен назвать тебе имя покупателя.

– Ясно, все понял, – пробормотал Алекс, в очередной раз поражаясь пронизательности старика, видевшего людей насквозь.

– Надеюсь, когда ты в следующий раз позвонишь, новости будут хорошие, а то я начинаю терять терпение. Я слишком долго искал ее, чтобы сейчас потерять.

– Да, я решу все проблемы, – пообещал Алекс и с облегчением услышал в трубке гудки.

Что ж, придется возвращаться к французским корешам. Хорошо бы придумать правдоподобное объяснение, а то, чего доброго, пришлют раньше времени. Тому же Пьеру, например, ничего не стоит перерезать человеку горло. Да и остальные не лучше. Со вздохом Алекс подобрал половинки статуэтки и пошел в ближайший ломбард. За конторкой сидела женщина лет тридцати пяти с пепельно-серыми волосами в деловом костюме.

Он протянул ей половинки статуэтки вместе с пятисоткой и попросил:

– Вы не могли бы проверить? Сказали, что это девятисотая проба, но я сомневаюсь.

Женщина взяла нижнюю часть статуэтки, поскоблила основание ножом, потом капнула на соскобленное место капельку красной жидкости из пробирки и сообщила, что содержание серебра в сплаве ниже двухсот пятидесятой пробы.

– Видите, цвет бихромата калия не изменился. Если бы проба была выше двухсот пятидесятой, началась бы химическая реакция, а при девятисотой появился бы кроваво-красный цвет. Более точно можно определить только реакцией в пробирке. Я знаю специалиста, который смог бы это сделать. Но так, на взгляд и по опыту, могу сказать, что это восемьдесят четвертая проба.

– А более точно мне и не надо, – грустно усмехнулся Алекс, – большое спасибо.

Забрав половинки статуэтки, он вышел на улицу, потом разыскал мусорный бак, швырнул в него куски подделки и отправился на съемную квартиру. У Алекса имелся четкий план дальнейших действий.

Пьер Арно поймал за руку проходившего мимо Клода:

– Эй, старик, пойдем, выйдем покурить.

Клоду курить не хотелось, но по глазам громилы он понял, что тот хочет ему что-то сказать. Они вышли на балкон. Пьер прикрыл дверь, достал сигареты, размял одну, прикурил от зажигалки, задумчиво рассматривая рыночную площадь, раскинувшуюся перед домом. В проходах между павильонами кипело живое людское море. Многие просто проходили через рынок, спеша на трамвайную остановку, другие действительно пришли за покупками и проталкивались сквозь толпу с полными пакетами, заполненными продуктами. Мягкий женский голос делал по громкоговорителю объявления, однако их смысл оставался для французов загадкой.

– Ну? – нарушил молчание Клод и оглянулся. В комнате за окном их компаньоны бесцельно шатались по комнате. Зое, примостившись на уголке дивана, просматривала какой-то журнал мод.

– Я насчет Алекса, – медленно начал Пьер, – он что-то темнит. Я не верю ему. Он русский и здесь среди своих. Думаю, он собирается нас кинуть.

– С чего ты так решил? – усомнился Клод. Ему казалось, что он достаточно хорошо знает русского. Тот никогда не подводил, всегда рассчитывался за выполненную работу, хотя часто жался и норовил заплатить меньше, выискивая различные причины. Клод привык к этому и научился осаживать Алекса. В остальном их сотрудничество протекало гладко.

– Ты мне веришь? – с серьезным видом спросил Пьер.

– Да, конечно, – кивнул Клод, – мы оба из Эври, выросли в одном квартале, на одной улице, кому же еще верить, как не тебе.

– Тогда послушай, – продолжал Пьер, понизив голос, – Алекс хочет нас кинуть. Он ведет двойную игру. Может, остальные слишком тупы, чтобы понять это, но я терпеть дерьма не собираюсь. Как только у меня будут твердые доказательства, я пришью этого ублюдка.

– Только не убивай его, не посоветовавшись со мной, – попросил Клод с тревогой поглядывая на товарища, и грустно подумал: «Похоже, у Пьера совсем крышу снесло».

– А вот и наш засранец, – громко объявил Пьер, заметив Алекса, входящего в подъезд. – Честно говоря, я сомневался, что он вернется.

– Ладно, пошли, послушаем, что он скажет, – похлопал его по плечу Клод.

– Пошли, – согласился Пьер, сделал последнюю затяжку, загасил сигарету о перила балкона и щелчком послал окурок в сторону рынка.

– С товаром возникли небольшие проблемы, – с ходу огорошил Алекс своих сообщников.

– Что за проблемы? – поинтересовался Пьер и обменялся саркастическим взглядом с Клодом.

– Я ходил к клиенту, и там был один эксперт. Он сказал, что самые ценные экспонаты, которые мужик хотел у нас купить, – подделка, – ответил Алекс.

– И поэтому денег нам не заплатят, – продолжил его мысль Пьер. Во взгляде громилы вспыхнула ненависть.

– Я не говорил этого. Конечно, заплатят, но клиент заинтересован получить подлинники. На кой черт ему подделки? – спокойно возразил Алекс, понимавший, что обстановка вокруг начинает накаляться. Уголовники – народ нервный, из-за любого неосторожного слова можно схлопотать пулю промеж глаз. Поэтому он был очень осторожен и старался говорить так, чтобы его слова воспринимались однозначно. – Наши проблемы возникли потому, что экспонаты заменили на подделки. Мы решим проблемы, когда найдем оригиналы, и я, кажется, уже знаю, где их искать. Еще до того, как начать подготовку к операции, я приезжал сюда и встречался с директором музея. Я тогда представился антикваром и предложил ему большие деньги за несколько вещей, но тот отказался, хотя сделка была очень выгодная. Думаю, он знал о подмене или сам ее и осуществил. Поэтому нам остается только припереть его к стенке и заставить отдать нам оригиналы. В милицию он не побежит, так как у самого рыльце в пушку. Все просто...

– Отличный план, – притворно восхитился Пьер.

5 1930 год

В десять часов у здания гостиницы на Пролетарской появились двое оборванных бродяг – высокий косматый мужчина с длинной бородой и девочка лет шести. Мужчина изо всех сил старался выглядеть немощным и больным, горбился, гнулся к земле и хромал, опираясь на деревянный посох. Девочка просила милостыню, но ей никто не подавал. Все бежали мимо по своим делам: кто на службу, кто со службы. Постояльцы гостиницы также старались как можно быстрее прошмыгнуть мимо оборванцев.

– Да, нет у тебя способностей к этому, – пробормотал Лапа, скрывавшийся под личиной бродяги, – оставь тебя на улице – ноги протянешь.

– Я научусь, вот увидишь, – с жаром пообещала Лиза и запричитала во весь голос, бросаясь к усатому мужчине с остроконечной французской бородкой, в белом костюме и соломенной шляпе.

– Пошла прочь! – гаркнул мужчина и шарахнулся от девочки как от чумы.

– Оставь его, – приказал Лапа, косясь на швейцара гостиницы. Тот неодобрительно смотрел на них и, видимо, размышлял, не вызвать ли милицию.

Лапа оттащил Лизу в сторону. Они сели на крыльце кооперативного магазина Центрохоза и стали ждать. Напротив, через улицу, находилось кафе, за которым и следил «медвежатник». Люди Дрозда подъезжали к кафе ровно в одиннадцать, входили, получали от хозяина деньги для «общака» и отправлялись после этого к Алмазу, сдать «месячную выручку».

– Черт, где же они, – тихо сквозь зубы выругался Лапа, украдкой посмотрел на часы и повернулся к Лизе: – Ты запомнила, что надо делать?

– Ага, – кивнула девочка.

– Просто подойдешь и попросишь у них мелочи, – на всякий случай еще раз повторил Лапа. – На рожон не лезь, тебе надо отвлечь их всего на несколько секунд, потом беги прочь. Встречаемся на площади у церкви.

– Да, хорошо, – вновь кивнула Лиза с серьезным видом. Она изо всех сил старалась казаться взрослой, хмурила лоб, подбирала губы, но выглядело все это достаточно комично. Лапа не смог удержаться от улыбки и посоветовал ей:

– Не напрягайся так сильно, а то пупок развяжется.

Наконец на улице показался красный «Мерседес-630» с открытым верхом. Семиместный сверкающий лимузин привлекал внимание прохожих. Парни Дрозда раскатывали на нем по городу, как короли. Часто за рулем сидел сам Дрозд, но сегодня его не было видно. Лапу это очень расстроило, однако тут уж ничего не попишешь. «Мерседес» затормозил перед кафе, и бандиты проворно повыскакивали из салона, игнорируя двери. Только шофер, плечистый седой мужчина лет пятидесяти в кожаной жилетке и полосатых штанах, неспешно открыл дверцу, вылез и так и остался стоять у машины. Остальные вошли в кафе.

– Отвлеки его, – указал Лапа на шофера. Лиза кивнула, понеслась через улицу и чуть не угодила под конку. Лапа едва смог сдержать сердитый окрик, только процедил сквозь зубы: – Да смотри же ты по сторонам, дура! – И подумал, что совершает безумие, впутывая ребенка в подобную авантюру.

– Дяденька, дай копеечку, – жалобно попросила Лиза у шофера.

Бандит задумчиво покосился на нее, поправляя шарф, выпустил облачко сигаретного дыма и сплюнул на булыжную мостовую:

– Катись отсюда!

Однако Лиза не собиралась так легко сдаваться. Она хотела показать Лапе, что от нее есть толк, что он не зря таскает ее за собой.

– Дяденька, пожалуйста! Я два дня не ела! Я умею все делать по дому. Дрова могу носить...

Улучив момент, Лапа пошел к машине. Внимание шофера было отвлечено, а бандиты пошли с хозяином кафе во внутреннюю комнату, он видел это через большие витрины. «Медвежатник» достал сверток с взрывным устройством, обернутым мешковиной, и, проходя мимо «Мерседеса», быстро наклонился, прицепив взрывчатку с магнитом к днищу машины и делая вид, что поднимает с мостовой монетку. Затем спокойно заковылял прочь.

Тем временем шофер пригляделся к Лизе и шепеляво с присвистом пробормотал:

– Слушай, а ты симпатичная.

Лиза задумалась. Она не знала, что ответить, и внимательно посмотрела в единственный глаз шофера. Второй глаз тот повредил, и он был красным, слепым, без зрачка. Бровь и щеку рассекал жуткий шрам, а кожу со щеки сорвало, отчего образовалась страшно выглядывшая рытвина. Воровато оглядевшись, бандит предложил ей:

– Слышь, ты, отойдем вон туда, и я дам тебе денег.

– Ну, надо же... – с тоской бросил Лапа, наблюдая, как шофер ведет Лизу в подворотню рядом с кафе, – я же ей велел сразу уходить.

Чертыхаясь, он пошел обратно к кафе, и его взгляд упал на «Мерседес», под которым тикали часы адской машинки. Чего доброго, их всех тут из-за нее накроет.

Шофер в подворотне улыбнулся Лизе жуткой беззубой улыбкой:

– Дела такие, сыкуха... Ты делаешь мне хорошо, а я даю тебе немного денег... – Он потянул к испуганной девочке свои руки, но в этот момент получил сзади рукояткой пистолета по затылку и беззвучно рухнул лицом вниз. Лиза ахнула.

– Я же велел сразу уходить! – рывкнул на нее Лапа, пряча пистолет под лохмотья. Обшарив карманы бандита, он забрал его «наган», финку, деньги и немного попинал его в воспитательных целях. «Пусть решит потом, что его ограбили и это была подстава». Вскоре должны явиться его кореша, и у них не должно возникнуть ненужных подозрений. «Гоп-стоп» для них – дело обыденное.

– Теперь пошли, – скомандовал Лапа и потащил Лизу из подворотни. Едва они скрылись за углом, как из кафе показались бандиты. Они вышли и остановились, удивленно озираясь.

– Эй, Глаз, куда ты провалился? – заорал невысокий лысый головорез сурового вида в кепке, сдвинутой на глаза. Это был Репа – правая рука Дрозда.

– Я здесь, – простонал водитель, появляясь из подворотни. Он остановился, пошатнулся, оперся о столб и, ощупав затылок, обнаружил на пальцах кровь.

– Что за кипеш, – изумился Репа, бросаясь к раненому, – кто тебя?

– Не знаю, – пробормотал Глаз, – малая около машины ошивалась, заманила меня сюда, а потом сзади как треснут по «арбузу» – и темнота.

Репа поддержал его, и тут же подбежали остальные. Все свирепо озирались, разыскивая взглядом врага.

– Да это гопники какие-нибудь, – предположил Тиски – высокий, смуглый мордорот с невероятно массивными руками. Одним легким нажатием он мог переломить в кисти все кости тому, с кем здоровался за руку. В его руках был саквояж с деньгами.

– Ладно, хватит бодягу разводить. Надо рвать когти. Мы опаздываем. Гриц, давай за руль и погнажи. – Отдавая распоряжения, Репа помогал идти водителю, которого качало, как матроса в десятибалльный шторм.

Тиски шел рядом. Маленький проворный парнишка по кличке Гриц прыгнул за руль «Мерседеса». Другой – белобрысый верзила в белой рубашке с узким лицом – открыл для Репы дверцу... В следующую секунду округу огласил оглушительный грохот. «Мерседес» буквально

разорвало пополам. Репу сшибло с ног оторванной дверцей машины. Он оглох, ослеп и почувствовал, что куда-то летит. Грица, как тряпичную куклу, выбросило на мостовую перед машиной. От разорванного тела во все стороны между булыжниками побежала кровь. Глаз упал в двух метрах от «Мерседеса», все его лицо было посечено осколками стекла. Бандит глухо стонал и ворочался, тщетно стараясь подняться. Тиски швырнуло на фонарный столб. Громила, ударившись, услышал треск где-то в плече и сполз по столбу на землю. Михай – тот, что открывал дверцу, – получил в живот искореженный кусок металла, рухнул и потерял сознание, обливаясь кровью.

«Что же это? – растерянно подумал Репа, открыв глаза. С неба падали червонцы из разорванного взрывом саквояжа. – Кто посмел на них наехать?»

С трудом повернув голову, он увидел, как прохожие торопливо собирают с мостовой деньги, убегая кто куда, и возмутился:

– Не троньте, паскуды! – Но голос был настолько слабым, что Репа и сам не расслышал, что сказал.

Моисей Вольфович Айзенштадт, по кличке Миша-Алмаз, очень старался поддерживать имидж добропорядочного гражданина. Временами ему приходилось появляться в сомнительных компаниях, так как этого требовал его бизнес, но в разговоре со знакомыми он клялся, что все слухи о его связях с бандитами сильно преувеличены. А то и просто отшучивался: «Что из того, что я поздоровался с бандитом? Если я знаю человека чуть ли не с младенчества, разве я, как воспитанный человек, не могу с ним просто поздороваться? А если я здороваюсь с чекистом – то все начнут болтать, что я работаю на ГПУ? А если с иностранцем – то... на иностранную разведку?!»

Его знакомые вежливо кивали и удивлялись, почему власти до сих пор не прикрыли лавочку Алмаза. Они и не догадывались, что в его шутке есть только доля шутки, и что он сдает некоторых своих клиентов чекистам в обмен на неприкосновенность. К тому же он держал воровской «общак», а у Дрозда также были связи в «уголовке». Миша-Алмаз считал, что прикрыт со всех сторон, и потому жил себе припеваючи. У него был большой дом недалеко от центра города, жена и четверо детей. В доме достаток и уют. Он даже приобрел скромный автомобиль, но сильно не выпячивался и не шиковал.

В этот день Моисей Вольфович по обыкновению ждал гостей. Люди Дрозда сдавали ему наличность на хранение. Часовой замок его суперсовременного нескрываемого сейфа, настроенный как раз на это время, открылся. Следовало положить деньги и закрыть сейф снова, но Репа опаздывал. Моисей Вольфович нервничал от этого, бродил с мрачным видом по рабочему кабинету и думал о том, что же их могло задержать. Жуткие мысли, одна страшнее другой, лезли ему в голову. «Вдруг их менты зачурали? Ведь нити потом к нему приведут. Да тут и нитей-то не нужно, в «уголовке» и так знали, чем он занимается. Рано или поздно, там могут счесть, что польза от него не так уж и велика, и «солят» его к какому-нибудь революционному празднику».

Из столовой раздался голос жены, сообщивший, что обед уже на столе.

– Клара, дорогая, одну минуточку, ко мне сейчас господа должны подъехать. Начинайте без меня! – прокричал в ответ Моисей Вольфович из кабинета и вздрогнул от вида косматого бродяги с «браунингом» в руке, который неожиданно выступил из-за портьеры.

– Что вам нужно? – пролепетал Алмаз, моментально белея.

– Хочу заказать кольцо и диадему для своей старухи, – прокаркал Лапа, стараясь изменить голос.

Алмаз пару секунд молчал, мучительно соображая, что делать, потом осторожно пролепетал:

– Да, хорошо, я все сделаю, но вы должны понимать, что стоит это недешево...

– О, я за ценой не постою, – заверил Лапа и хитро подмигнул ополоумевшему от ужаса ювелиру.

– Давайте обсудим-таки, что вы хотите, – выдавил из себя Моисей Вольфович, открывая дрожащими руками записную книжку. – С-с-скажите, ч-что в-вы хотите. Я запишу, изготовлю и сообщу, когда прийти за готовой вещью.

– Что я хочу? – задумчиво переспросил Лапа и предложил: – А вы покажите что-нибудь из готовых цацок, и я решу.

– Ой, извините, я не храню дома драгоценностей. И денег тоже не храню, сейчас вообще трудные времена наступили... Налоги непомерные, еле свожу концы с концами, – пролепетал Алмаз.

– А там что? – указал Лапа дулом пистолета.

– Где там? – Моисей Вольфович старательно изобразил удивление. – Ах, это... Это сейф. Вы что, молодой человек, сейфа никогда не видели? – Голос был притворно весел, но в голове у Миши-Алмаза билась лишь одна мысль: выжить любой ценой. Однако и отдавать все какому-то сумасшедшему оборванцу тоже было глупо, и он решил поторговаться, выиграть время, а там, глядишь, и парни Дрозда подспеют, они уже давно должны были приехать.

Моисей Вольфович украдкой посмотрел на часы, но тут же вздрогнул от резкого движения незнакомца. Лапа кинулся к ювелиру, схватил за отвороты пиджака, оторвал от пола на несколько сантиметров и, припечатав спиной к дверце сейфа, прорычал ему в лицо:

– Не советую ломать комедию, папаша. Я хочу заглянуть в сейф. Если не откроешь похорошему, сдохнешь как собака!

– О, умоляю вас, не делайте мне больно, – жалобно скривился Алмаз, затравленно глядя на «медвежатника». – Вы таки не понимаете, о чем меня просите! Это невозможно! Знаете, на что вы замахнулись? Вас потом из-под земли достанут. Это страшные люди.

– Я тоже страшный человек, – угрожающе заверил ювелира Лапа, ткнув ему дулом пистолета в нос, – ты даже не представляешь, насколько я страшный. Или у тебя другое мнение, жид поганый?

– Да, вы очень страшный, – поспешно согласился ювелир. – Я немедленно открою сейф, но мне надо сходить за записной книжкой в кабинет, я не помню на память кода, старость, знаете ли. Иной раз собственное имя забывать начал...

– Да ну? – усомнился Лапа, резко зажал рот ювелира ладонью и пару раз врезал тому под дых, после чего участливо поинтересовался: – А теперь как с памятью? Прояснилась? А то у меня в запасе есть еще пара-тройка средств от старческого склероза. Оч-чень помогает...

– Все, все, я вспомнил, – прохрипел задыхающийся ювелир.

– Открывай, – приказал Лапа и предупредил: – Только смотри, не закрой случайно часовой замок, а то схлопочешь маслину в пузо.

Со скорбным видом Моисей Вольфович набрал кодовые цифры, отворил тяжелую бронированную дверь и отошел в сторону. В сейфе на полочках лежали завязанные бархатные мешочки, внизу шкатулка и несколько коробочек. Были тут и деньги, и золотые монеты, и слитки. Глядя на это богатство, Лапа подумал, что все ранее награбленное им не составляло и десятой части того, что находилось сейчас в сейфе. Не спуская глаз с ювелира, он снял с полки увесистый мешочек, развязал и заглянул внутрь. В лучах солнца засверкали и заискрились крупные бриллианты. Самый маленький был каратов на шесть, не меньше. В другом мешочке тоже были бриллианты, но крупнее, в третьем – жемчуг, в четвертом – рубины, вперемешку с топазами и изумрудами. Лапа посмотрел на бледного Моисея Вольфовича – он и предположить не мог, что у того в сейфе хранятся такие сокровища. Рассчитывал на сто, максимум двести тысяч, а тут...

– Часть из этого – воровской «общак», – пояснил ювелир. – Вы должны понимать, что случится, если вы возьмете хотя бы один камушек.

– А это что? – Игнорируя его слова, Лапа полез в большую шкатулку.

– О, это драгоценности, которые мне оставили в залог или дали на хранение. Если у вас сохранилась хоть капля совести, то вы их не возьмете.

– Сожалею, но вам не повезло, – ухмыльнулся Лапа, пересыпая содержимое шкатулки в мешок, который достал из-за пазухи. Туда же полетели и мешочки с камнями, и золотые монеты, деньги, золотые слитки.

– Хорошо, берите все, только не причиняйте мне вреда, – пробормотал Моисей Вольфович, горько вздохнув.

В комнату совершенно некстати вошла его жена да так и замерла на пороге с открытым ртом.

– Клара, спокойно, только не кричи! – умоляюще сложил руки на груди ювелир.

Женщина не ответила, только закрыла рот. Ее выпученные глаза не отрывались от косматого чудовища, орудовавшего у сейфа. Лапа показал ей пистолетом на место рядом с мужем:

– Мадам, встаньте туда и ведите себя благоразумно. Тогда никто не пострадает.

Он говорил тихо, но убедительно. Женщина растерянно оглянулась на дверь, из-за которой слышались детский смех и разговоры, доносившиеся из столовой, где обедала остальная часть семейства.

– Только детям ничего не делайте, – попросила она.

– Ведите себя тихо, и ваши дети будут жить долго и счастливо, – заверил Лапа и, показав ювелиру пачку бумаг, что обнаружили на верхней полке сейфа, спросил: – Это что?

– Это долговые расписки, – смиренно пояснил Моисей Вольфович, – многие люди просят меня помочь, и я не могу отказать им, потому как имею доброе сердце. Расписки-то вам зачем? С них вы все равно ничего не получите.

Швырнув расписки на пол, Лапа потащил заполненный драгоценностями мешок к выходу. Вес в нем был непомерный. У двери он остановился, перехватил мешок другой рукой и, угрожая пистолетом, приказал ювелиру и его жене:

– Не двигайтесь с места, пока не досчитаете до ста. Двинетесь – я вас прикончу, а затем и всех остальных, кто находится в доме. – И вышел, захлопнув за собой дверь.

Дрозд поднял глаза от карточного стола и посмотрел на вошедшего Репа. Игра остановилась. Другие игроки застыли, будто восковые изваяния, окутанные туманом табачного смога, висевшего в малине. Репа выглядел так, словно его пропустили через мясорубку.

– Дрозд, у нас проблемы, – прохрипел он, покачиваясь, точно пьяный.

– Не путай, это у тебя проблемы. У меня проблем не бывает, потому что я их очень быстро решаю, – сухо ответил Дрозд. Боцман и Портной, стоявшие за его спиной, напряглись, но Дрозд сделал им знак расслабиться и продолжал: – Хочу знать, что с бабками. Ты их Мише сдал?

– Нет, не успел, – выдавил из себя Репа, холодея от ужаса, – троих наших прибрали начисто. Я сам еле жив остался.

– Да, но что с тебя толку без бабок? – спросил Дрозд, выпустив в потолок облачко сигаретного дыма. – Кто это был? Кто?

– Я не знаю, – растерянно пролепетал Репа, понимая, что крепко влип, но не видя выхода из создавшейся ситуации.

– Не знаешь? – с угрозой в голосе переспросил Дрозд и отшвырнул карты в сторону. – Да что ты тогда вообще знаешь? Ты меня на бабки выставил! Что будем делать?

– Я верну деньги, – горячо пообещал Репа, – дай мне два дня сроку.

– Лады, – неожиданно согласился Дрозд, сменив гнев на милость, – не вернешь, положим тебе голову на рукомойник. Теперь ботай, что у вас там за оказия приключилась.

Репа вкратце изложил всю историю. Дрозд некоторое время молчал, напряженно думал, потом медленно произнес:

– Че-то не въезжаю. Какая гнида могла на нас так попереть внаглую? Я местных отморожков и гопников всех знаю, меня все знают. Никто бы на такое не решился, это надо быть вообще без башки... – Внезапно он запнулся. Глаза его сузились, и Дрозд протянул с пониманием: – Уж не ментовская ли это подстава?

Остальные молчали, внятных предположений ни у кого не было. Дрозд вскочил со стула и нервно заходил по комнате взад-вперед. Его никогда еще не видели таким взволнованным. Король преступного мира этого города, он всегда, в любой ситуации отличался редким хладнокровием. Однако соратники и не подозревали, чего на самом деле боится Дрозд. Он боялся вовсе не конкурентов или каких-то отморожков, а того, что люди в ГПУ, под чьим покровительством он работал, решили избавиться от него. Лишь благодаря им он вознесся на пьедестал и мог безнаказанно творить беззаконие, наводя ужас на нэпманов, ростовщиков и всякого рода спекулянтов. В ГПУ ему даже давали наводки – кого грабануть, кого убрать. Теперь он слишком много знал, и в ГПУ, видимо, решили, что пора менять короля.

– Да чтоб вы там все издохли! – заорал Дрозд так, что окружающие в страхе отпрянули. Затем в приступе обуявшего его гнева ударил ногой по картонному столу и едва не перевернул его. – Козлы поганые!

Репа, решивший, что это все относится к нему и его ребятам, попятился к выходу. Он знал, что предводитель скор на расправу, а о жестокости его просто легенды ходили. И тут за спиной у Репы запахнулась входная дверь. Все, как по команде, посмотрели туда и увидели хорошо известного Моисея Вольфовича Айзенштадта, Мишу-Алмаза. Вид у того был довольно потрепанный. Бросалось в глаза, что одевался он в спешке – жилетка была застегнута криво, рукав пиджака испачкан чем-то белым, лицо дикое, глаза, как пятиалтынные. Скатившись по лестнице, ювелир сразу кинулся к Дрозду и повис у него на шее.

– Сеня, беда у нас! Мне едва живым удалось вырваться. Этот человек – настоящее чудовище.

– Убери грабки! – ощерился Дрозд и оттолкнул ювелира от себя: – Про кого ты базаришь? Давай конкретно по теме...

– Вот тебе конкретно, – закивал Моисей Вольфович, – какой-то бешеный гопник ворвался ко мне в дом и, угрожая пушкой, обчистил сейф...

– Как обчистил? – с недоверием переспросил его Дрозд. – Ты же, мать твою, говорил, что твой долбаный сейф – самый надежный, что его никаким макаром нельзя открыть! Что же ты, сука...

– Минуточку, – вставил слово Моисей Вольфович, – мой сейф таки – самый надежный, и пусть любой плюнет мне в лицо, если сможет доказать, что это не так. Да, его невозможно вскрыть, если основной часовой замок закрыт. Я ведь не просто так выложил за этот сейф кучу денег. Оно мне надо, чтобы люди сказали: «А, смотрите, какой у Миши красивый дорогой сейф...» – нет! Я купил этот сейф, потому что мне доказали, что вскрыть его нельзя.

– Так как же этот хрен его обчистил? – взорвался Дрозд, не сдержав чувств.

– Таки сегодня основной замок был открыт, – спокойно пояснил Моисей Вольфович, – как раз сегодня кончился завод механизма замка, и я должен был снова завести его на неделю. Только я не успел сделать этого, так как ждал твоих архаровцев с деньгами. – Он многозначительно покосился на Репу.

– Эй, не надо на меня все грузить! – возмутился тот. – Сам форшманулся, а меня парафинит! Со мной такой наезд не проканает.

– Подвяжи ботало, – обернулся к нему ювелир с изменившимся лицом, – я был в авторитете, когда тебя еще думали.

– Кончай порожняк толкать! – заорал на них Дрозд. – Я, кажется, просек, что это был за антихрист. Это Лапа – пес паскудный! На воровской «правилке» решили его из города выкинуть, чтоб глаза всем не мозолил, вот он, падла, и надумал отыграться. Кто сегодня найдет его и приведет ко мне живым, получит тридцать кусков. – Он повысил голос и повторил: – Все слышали?! Сегодня и живым!

– Живым его трудно будет взять, – хмуро заметил Боцман. – Лапа – третий калач, его на дурняка не возьмешь...

– Можешь взять его под красный галстук – мне насрать, – огрызнулся Дрозд. – Подгони мне его башку, но только с бабками, которые он взял. Без бабок он мне нужен только живым. Я его, суку, запрессую начисто...

– Ну, бабки-то, по идее, при нем должны быть, – заметил Портной, стоявший рядом.

– Ба, еще один мозговитый показался, – в притворном восхищении воскликнул Дрозд, – конечно, бабки при нем. Он их не скинет, потому что негде – земля под ногами горит. Короче, хватит обезьяну водить да понты кидать – выцепите его, достаньте бабки, а потом спросите, как с гада!

Загорский с задумчивым видом сидел в мастерской за рабочим столом и перебирал серебряные монеты, которые высыпал из мешочка, принесенного «медвежатником». Рядом на столе стоял макет скульптуры «Дочь кузнеца». Чтобы фигурка получилась заметной и законченной, с четкими линиями, ее надо было делать не менее двадцати сантиметров высотой. Загорский положил монету на аптекарские весы – десять граммов. На самой монете номиналом в пятьдесят копеек было написано, что она содержит девять граммов чистого серебра. А всего монет – шестьсот семьдесят. Загорский закусил губу. Веса металла не хватало. Либо придется делать скульптуру пустотелой, либо металл получится низкой пробы.

Размышляя над тем, на каком варианте остановиться, Загорский взялся за переплавку монет. Для этих целей у него имелась небольшая газовая горелка. Очистив и переплавив металл в небольшие слитки, рассчитанные по граммам, каждый для отливки определенной части скульптуры, скульптор занялся подготовкой форм. Глина успела высохнуть, оставалось обжечь формы в печи, чтобы вытопить воск. Когда формы были готовы, Загорский оставил их остывать, а сам сел пообедать, но не успел поднести ложку с ухой ко рту, как в дверь постучали.

– Кто там? – настороженно спросил скульптор, прикрывая слитки мешковиной.

– Николай Павлович, это Федор, – раздался голос из-за двери.

– А, Федор, – обрадовался Загорский, признав голос соседа со второго этажа.

Тот был кузнецом и мастерски изготавливал декоративные решетки, ограды и прочие вещи. Николай Павлович сам заказывал у него то кочергу для камина, то вешалку. Каждая вещь получалась как произведение искусства. Скульптор открыл дверь и впустил в комнату черно-волосого тучного парня лет двадцати пяти с детским улыбчивым лицом, ярко-синими глазами, одетого в простую льняную рубаху, серые мешковатые штаны и сапоги.

– Что ваяешь? – спросил Федор громко, и не успел Загорский ответить, как парень со свойственной ему плавностью и быстротой проскользнул к рабочему столу и заглянул под мешковину: – Ого! Где добыл?

– Друзья помогли, – уклончиво ответил скульптор.

– И куда ты его? – кивнул на слитки серебра кузнец.

– Да вот, небольшую статуэтку делаю. – Загорский показал макет и, с неудовольствием отметив ехидную улыбку парня, добавил: – Слушай, а ты серебро варить умеешь? Понимаешь, я хочу сделать ее из частей, а потом соединить сваркой. Так и легче, и линии будут четче.

– Я бы посоветовал гальванопластику, – с умным видом произнес Федор, оглядывая большую гипсовую статую женщины, стоявшую у стены.

– Я хочу сварку, – заупрямился Загорский, – если не умеешь, то так и скажи.

– Нет, умею, – спокойно возразил Федор.

– Поможешь? – с нажимом спросил скульптор, глядя в глаза кузнецу.

– Че спрашиваешь, конечно, помогу, – махнул рукой Федор. – Я чего зашел-то, червонца в долг не найдется?

– На, держи, потом отработаешь, – усмехнулся Загорский, доставая деньги.

В дверь снова постучали. Они обменялись встревоженными взглядами, и скульптор, быстро прикрыв серебро, пошел открывать:

– Кто там?

– Это Наталия, – отозвался из-за двери женский голос.

Загорский бросил на Федора напряженный взгляд, затем подскочил к нему, схватил за руку и поволол к двери, шепотом поясняя на ходу:

– Федя, тебе пора уходить. Ко мне пришли... Очень важный клиент. Ты можешь смутить ее. Иди домой!

– Но как же, ты что, даже чаю гостю не предложишь? – давясь смехом, спросил кузнец.

По виду товарища он сразу сообразил, что визитерша не просто его клиентка.

В дверь снова постучали, и капризный женский голос поинтересовался:

– Ты что, так и собираешься на лестнице меня держать?!

– Нет, душа моя, что ты! – воскликнул Загорский.

Открыв дверь, он первым делом вытолкнул за порог Федора, а затем уже впустил высокую хорошо одетую даму. Платье в стиле «чарльстон» с заниженной талией, отделанное вышивкой, туфли на английском каблуке, берет, модная сумочка с одной ручкой, на руках удлиненные перчатки, умело наложенный макияж и запах «Шанель номер пять» – все это свидетельствовало о том, что дама принадлежит к касте партийно-номенклатурной элиты города.

Федору хватило одного взгляда, чтоб понять, откуда его сосед черпал вдохновение при создании своих «шедевров». По губам кузнеца поползла улыбка:

– Здрасте.

– Здравствуйте, – буркнула в ответ женщина и скрылась в прихожей.

Загорский загордил дверной проем, метнув на Федора грозный взгляд.

– Все, ухажу, – улыбаясь, поднял руки кузнец, – мне просто интересно...

Скульптор не дал ему договорить и, захлопнув перед носом соседа входную дверь, поспешил в комнату, где немедленно заключил гостью в объятия. Она не сопротивлялась, отшвырнула берет в сторону и, смеясь, распустила волосы.

– Натали, – простонал Николай Павлович, покрывая шею женщины поцелуями.

– О, дорогой, – задыхаясь, ответила она ему и шепнула: – Документы будут готовы в среду.

– В эту среду? – обрадовался скульптор, выпуская ее из объятий.

– Да, муж ничего не заподозрил, – проговорила она с закрытыми глазами, ожидая следующей порции ласк. – Ты можешь выехать из страны, а потом я к тебе приеду.

– Это замечательные новости! – воскликнул Загорский вне себя от радости. Срывая с любовницы платье, он думал о том, что вдали от опостылевшей родины сможет наконец-то творить в полную силу. Уж там-то никто не станет ограничивать его, притеснять и выдвигать дурацкие требования. Не надо будет просыпаться ночью в холодном поту от звуков подъехавшей машины и стука в дверь.

6

Наши дни

Гашников Виктор Андреевич вышел из здания музея и собирался, как обычно, направиться к своей машине на стоянке для служебного автотранспорта. Он не подозревал, что с другой стороны улицы из черного «БМВ» с тонированными стеклами за ним наблюдают четыре пары глаз. Налетчики были готовы к решительным действиям, но в последнюю секунду им помешало неожиданное обстоятельство...

Директор музея успел сделать пару шагов по направлению к своему джипу, как неожиданно перед ним затормозил милицейский «уазик». Обескураженные налетчики остались на своих местах, не понимая, что происходит.

Сердце Виктора Андреевича при виде белой надписи «милиция» на голубом фоне подпрыгнуло и застряло где-то в горле. Он закашлялся и попытался взять себя в руки.

Из «УАЗа» вылез знакомый ему следователь Антонов. Сказав что-то людям в машине, он захлопнул дверцу, и «УАЗ» умчался прочь, а следователь обернулся к нему.

– Захар Петрович! – с притворным радушием воскликнул директор.

– Виктор Андреевич! – копируя его интонацию, воскликнул в ответ следователь и хитро прищурился: – А я к вам за консультацией.

– Всегда рад помочь родной милиции, – заверил его директор музея, а сам подумал, что неплохо бы заранее подыскать себе хорошего адвоката.

– Может быть, пройдем внутрь? – предложил следователь. – В двух словах всего не расскажешь. Пойдем в ваш кабинет и там в спокойной обстановке все обсудим...

– Да, конечно, идите за мной, – вздохнул директор музея, поднимаясь обратно по лестнице к главному входу. В здании в это время не было никого, кроме ночного сторожа – седого старика, который, по виду, участвовал еще в Первой мировой войне. Тот удивленно посмотрел на начальника и его спутника, но ничего не сказал и снова уткнулся в газету с кроссвордом.

– Вижу, при выборе сторожей вы руководствуетесь лишь чувством сострадания, – заметил следователь все с той же хитрой улыбкой.

– Ну, на эту работу люди в очередь не выстраиваются, – буркнул Гашников, – зарплата смешная, а в связи с кризисом еще и бюджет урезали, вот и набираем кого придется. Если музей что-то и приобретает, то только по крайней необходимости. Расходы на бензин уменьшили в четыре раза. Я теперь практически невыездной стал, разве что за свой счет...

Они вошли в директорский кабинет, сверкавший изысками евродизайна после недавнего ремонта, уселись за массивным столом. Гашников предложил коньяк, но следователь отказался. Тогда он налил себе и закурил тонкую длинную сигарету с ментолом, выпуская колечко дыма в потолок:

– Так какого рода консультацию вы хотели получить?

– Консультацию по одному скульптору и его работам, – говоря, Антонов задумчиво покопился на плазменный телевизор с метровой диагональю экрана, висевший на стене.

Гашников перехватил его взгляд и торопливо пояснил:

– Это все спонсорская помощь. И ремонт в кабинете тоже спонсоры сделали. Есть еще люди, которые стремятся сделать что-то, чтобы сохранить наше наследие...

– Да, глядя на ваш кабинет, мне тоже отраднo это сознавать. Не перевелись еще меценаты на русской земле, – усмехнулся Антонов и добавил уже серьезно: – Что вы знаете о Загорском, скульпторе двадцатых годов, который эмигрировал за границу в 1930 году?

– Ну, знаете, в тридцатые было много скульпторов. Тогда наблюдался эдакий всплеск всякого рода талантов... – замылся директор музея. По его глазам было видно, что фамилия Загорский ни о чем ему не говорит, но он тщетно пытается скрыть свою некомпетентность.

– У вас в музее были выставлены его работы, – пояснил Антонов.

– Знаете, вам, наверное, лучше спросить об этом Надежду Васильевну, – сдался Гашников, – она прекрасный специалист по этим вопросам...

Вздыхнув, следователь выложил перед директором музея фотографию статуэтки «Дочь кузнеца»:

– Вот его работа, она была представлена в вашей экспозиции тридцатых годов. Это самый ценный из украденных экспонатов.

– А, кажется, начинаю вспоминать, – нервно улыбнулся Гашников, делая вид, что внимательно рассматривает фотографию. – Да, точно, «Дочь кузнеца», разве такое можно забыть? Такая если привидится в страшном сне...

– Значит, вспомнили? – с нажимом уточнил следователь. – Тогда скажите, почему ее украли?

– Как почему? – удивился Гашников. – Откуда я знаю? Это вы у них спросите, у воров, зачем они украли. Захотели и украли...

– Нет, они, судя по всему, пришли именно за этой статуэткой, – отмел его возражения Антонов. – Ответьте, что в ней было такого ценного, помимо стоимости самого серебра, из которого она изготовлена?

– Ну, это историческая ценность, антиквариат, – неуверенно начал Гашников.

– Работы этого автора не пользовались особым спросом ни тогда, ни сейчас, – напомнил ему Антонов, – а уехав за границу, он вообще, как теперь принято говорить, выпал из обоймы. И вдруг, спустя столько лет, ради одной из его скульптур грабят целый музей, причем силами хорошо вооруженной и экипированной банды наемников-профессионалов. У этих парней оружие стоило дороже, чем все, что они у вас взяли. Как вы это объясните?

– Ну, откуда я знаю? – запротестовал Гашников. – Может, их наняли богатые родственники скульптора, чтобы выкрасть работу своего предка...

– Может быть, может быть, – задумчиво закивал следователь. – А к вам незадолго до ограбления никто не обращался с предложением выкупить эту статуэтку? – неожиданно спросил он.

– Н-н-нет, да что вы, – запинаясь, ответил директор, – у нас же тут не лавочка, а музей.

– Никто не обращался, значит? – с улыбкой произнес Антонов, сверля директора взглядом.

– Нет, – ерзая на стуле, отрезал Гашников, чувствуя себя крайне неудобно под пристальным взглядом следователя.

– А кто-нибудь вообще проявлял к этой статуэтке интерес? – не отставал следователь.

– Нет, говорю же, зачем мне вам врать? – пожал плечами директор. – Я и сам узнал об этом авторе только что от вас. Я вообще не поклонник соцреализма.

– Ладно, а как у вас обстоят дела с подбором персонала? – резко сменил тему следователь.

– Вы это к чему? – совсем запутался директор музея.

– К тому, что можете ли вы поручиться за ваших людей? – пояснил Антонов, старательно пряча улыбку. Он видел – Гашников напряжен и дергается, а значит, есть что скрывать. Еще немного, и директор музея оступится, совершит ошибку, оговорится, и тогда можно будет его подсекать. Нет, до наручников дело, конечно, не дойдет, но станет хотя бы понятно, в каком направлении двигаться.

– Как поручиться, я не понял? – нахмурился Гашников.

– Ну, вот вам пример, – медленно, с расстановкой, произнес следователь, – кто-то из ваших людей похищает из запасников музея экспонаты и продает их на черном рынке.

– Да вы что! Это исключено, – воскликнул директор музея, покрываясь испариной. Кончик его языка прошелся по пересохшим губам. Затем он спросил, понизив голос:

– А что, у вас имеются какие-то факты?

– Если бы у меня имелись факты, мы бы с вами здесь вот так не разговаривали, – со значением произнес Антонов. – Скажите, Надежда Васильевна, хранительница фондов, давно у вас работает?

– Лет двадцать, да, точно, не меньше двадцати, – старательно вспоминая, ответил Гашников, – можно, конечно, поднять документы...

– Пока не надо, – перебил его Антонов.

– Именно Надежда Васильевна ведает перемещением экспонатов и новыми поступлениями, – торопливо добавил Гашников, смахнув со лба испарину. – Мне, знаете ли, не до этого, других дел полно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.